

Николай ГУМИЛЕВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2017

УДК 821.161.1
ББК 84.(Рус)6-5
Г94

Серия основана в 2007 году

Гумилев Н. С.

Г94 Полное собрание сочинений в одном томе.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 1148 с.: ил. — (Полное собрание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0923-5

В одном томе собраны все стихотворения, поэмы, переводы, проза, драматические произведения одного из величайших русских поэтов-символистов, ярчайшего представителя Серебряного века, основателя литературного течения — акмеизма, литературного критика, путешественника, кавалера Георгиевского креста — Николая Степановича Гумилева (1886 — 1921).

УДК 821.161.1
ББК 84.(Рус)6-5

ISBN 978-5-9922-0923-5

© Н. Гумилев. Наследники, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

ПОЭЗИЯ

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
опубликованные в прижизненных сборниках**

**ПУТЬ КОНКВИСТАДОРОВ
(1905)**

Я стал кочевником, чтобы сладостра-
стно прикасаться ко всему, что кочует!

Андре Жид

* * *

Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.

Как смутно в небе диком и беззвездном!
Растет туман... но я молчу и жду
И верю, я любовь свою найду...
Я конквистадор в панцире железном.

И если нет полдневных слов звездам,
Тогда я сам мечту свою создам
И песней битв любовно зачарую.

Я пропастям и бурям вечный брат,
Но я вплету в воинственный наряд
Звезду долин, лилею голубую.

Мечи и поцелуи

Я знаю, что ночи любви нам даны
И яркие, жаркие дни для войны.

Н. Гумилев

* * *

С тобой я буду до зари,
Наутро я уйду
Искать, где спрятались цари,
Лобзавшие звезду.

У тех царей лазурный сон
Заткал лучистый взор;
Они — заснувший небосклон
Над мраморностью гор.

Сверкают в золоте лучей
Их мантий багрецы,
И на седилах их кудрей
Алмазные венцы.

И их мечи вокруг лежат
В камнях дорогих,
Их чутко гномы сторожат
И не уйдут от них.

Но я приду с мечом своим;
Владеет им не гном!
Я буду вихрем грозovým,
И громом, и огнем!

Я тайны выпытаю их,
Все тайны дивных снов,
И заключу в короткий стих,
В оправу звонких слов.

Промчится день, зажжет закат,
Природа будет храм,
И я приду, приду назад
К отворенным дверям.

С тобою встретим мы зарю,
Наутро я уйду
И на прощанье подарю
Добытую звезду.

ПЕСНЬ ЗАРАТУСТРЫ

Юные, светлые братья
Силы, восторга, мечты,
Вам раскрываю объятия,
Сын голубой высоты.

Тени, кресты и могилы
Скрылись в загадочной мгле,
Свет воскресающей силы
Властно царит на земле.

Кольца роскошные мчатся,
Ярок восторг высоты;
Будем мы вечно встречаться
В вечном блаженстве мечты.

Жаркое сердце поэта
Блещет, как звонкая сталь,
Горе не знающим света!
Горе обнявшим печаль!

CREDO

Откуда я пришел, не знаю...
Не знаю я, куда уйду,
Когда победно отблистаю
В моем сверкающем саду.

Когда исполнюсь красотой,
Когда наскучу лаской роз,
Когда запросится к покою
Душа, усталая от грез.

Но я живу, как пляска теней
В предсмертный час больного дня,
Я полон тайною мгновений
И красной чарою огня.

Мне все открыто в этом мире —
И ночи тень, и солнца свет,
И в торжествующем эфире
Мерцанье ласковых планет.

Я не ищу больного знания,
Зачем, откуда я иду;
Я знаю, было там сверканье
Звезды, лобзающей звезду.

Я знаю, там звенело пенье
Перед престолом красоты,
Когда сплетались, как виденья,
Святые белые цветы.

И, жарким сердцем веря чуду,
Поняв воздушный небосклон,
В каких пределах я ни буду,
На все наброшу я свой сон.

Всегда живой, всегда могучий,
Влюбленный в чары красоты.
И вспыхнет радуга созвучий
Над царством вечной пустоты.

ГРЕЗА НОЧНАЯ И ТЕМНАЯ

На небе сходились тяжелые, грозные тучи,
Меж них багровела луна, как смертельная рана,
Зеленого Эрина воин, Кухулин могучий,
Упал под мечом короля океана Сварана.

И волны шептали сибиллы седой заклинанья,
Шатались деревья от песен могучего вала,
И встретил Сваран исступленный, в грозе ликованья,
Героя героев, владыку пустыни Фингала.

Друг друга сжимая в объятьях, сверкая доспехом,
Они начинают безумную, дикую пляску,
И ветер приветствует битву рыдающим смехом,
И море грохочет свою вековечную сказку.

Когда я устану от ласковых, нежных объятий,
Когда я устану от мыслей и слов повседневных —
Я слышу, как воздух трепещет от гнева проклятий,
Я вижу на холме героев, могучих и гневных.

ПЕСНЯ О ПЕВЦЕ И КОРОЛЕ

Мой замок стоит на утесе крутом
В далеких, туманных горах,
Его я воздвигнул во мраке ночном,
С проклятьем на бледных устах.

В том замке высоком никто не живет,
Лишь я его гордый король,
Да ночью спускается с диких высот
Жестокий, насмешливый тролль.

На дальнем утесе, труслив и смешон,
Он держит коварную речь,
Но чует, что меч для него припасен,
Не знающий жалости меч.

Однажды сидел я в порфире златой,
Горел мой алмазный венец —

И в дверь постучался певец молодой,
Бездомный, бродячий певец.

Для всех, кто отвагой и силой богат,
Отворены двери дворца;
В пурпуровой зале я слушать был рад
Безумные речи певца.

С красивой арфой он стал недвижим,
Он звякнул дрожащей струной,
И дико промчалась по залам моим
Гармония песни больной.

«Я шел один в ночи беззвездной
В горах с уступа на уступ
И увидел над мрачной бездной,
Как мрамор белый, женский труп.

Влачили змеи по уступам,
Угрюмый рос чертополох,
И над красивым женским трупом
Бродил безумный скоморох.

И, смерти дивный сон тревожа,
Он бубен потрясал в руке,
Над миром девственного ложа
Плясал в дурацком колпаке.

Едва звенели колокольца,
Не отдавался в горах,
Дешевые сверкали кольца
На узких, сморщенных руках.

Он хохотал, смешной, беззубый,
Скача по сумрачным холмам,
И прижимал больные губы
К холодным девичьим губам.

И я ушел, унес вопросы,
Смущая ими божество,
Но выше этого утеса
Не видел в мире ничего».

Я долее слушать безумца не мог,
Я поднял сверкающий меч,
Певцу подарил я кровавый цветок
В награду за дерзкую речь.

Цветок зазял на высокой груди,
Красиво горящий багрец...

«Безумный певец, ты мне страшен, уйди».
Но мертвенно бледен певец.

Порвались струны, протяжно звеня,
Как арфу его я разбил,
За то, что он плакать заставил меня,
Властителя гордых могил.

Как прежде, в туманах не видно луча,
Как прежде, скитается тролль,
Он, бедный, не знает, бояся меча,
Что властный рыдает король.

По-прежнему тих одинокий дворец,
В нем трое, в нем трое всего:
Печальный король, и убитый певец,
И дикая песня его.

РАССКАЗ ДЕВУШКИ

В вечерний час горят огни...
Мы этот час из всех заметим,
Господь, сойди к молящим детям
И злые чары отгони!

Я отдыхала у ворот
Под тенью милой, старой ели,
А надо мною пламенели
Снега неведомых высот.

И в этот миг с далеких гор
Ко мне спустился странник дивный,
В меня вперил он взор призывный,
Могучей негой полный взор.

И пел красивый чародей:
«Пойдем со мною на высоты,
Где кроют мраморные гроты
Огнем увенчанных людей.

Их очи дивно глубоки,
Они прекрасны и воздушны,
И духи неба так послушны
Прикосновеньям их руки.

Мы в их обители войдем
При звуках светлого напева,

И там ты будешь королевой,
Как я — могучим королем.

О, пусть ужасен голос бурь
И страшны лики темных впадин,
Но горный воздух так прохладен
И так пленительна лазурь».

И эта песня жгла мечты,
Дарила волею мгновенья
И наряжала сновиденья
В такие яркие цветы.

Но тих был взгляд моих очей,
И сердце, ждущее спокойно,
Могло ль прельститься цепью стройной
Светло чарующих речей.

И дивный странник отошел,
Померкнул в солнечном сиянье,
Но внятно — тяжкое рыданье
Мне повторял смущенный дол.

В вечерний час горят огни...
Мы этот час из всех приметим,
Господь, сойди к молящим детям
И злые чары отгони.

П о э м ы

Правду мы возьмем у Бога
Силой огненных мечей.

Н. Гумилев

ДЕВА СОЛНЦА

Марианне Дмитриевне Поляковой

I

Могучий царь суров и гневен,
Его лицо мрачно, как ночь,
Толпа испуганных царевен
Бежит в немом смятеньи прочь.

Вокруг него сверкает золото,
Алмазы, пурпур и багрец
И краски алого заката
Румянят мраморный дворец.

Он держит речь в высокой зале
Толпе разряженных льстецов,
В его глазах сверканье стали,
А в речи гул морских валов.

Он говорит: «Еще ребенком
В глуши окрестных деревень
Я пеньем радостным и звонким
Встречал веселый, юный день.

Я пел и солнцу и лазури,
Я плакал в ужасе глухом,
Когда безрадостные бури
Царили в небе голубом.

Явилась юность — праздник мира,
В моей груди кипела кровь,
И в блеске солнечного пира
Я увидел мою любовь.

Она во сне ко мне слетала,
И наклонялася ко мне,
И речи дивные шептала
О золотом, лазурном дне.

Она вперед меня манила,
Роняла белые цветы,
Она мне двери отворила
К восторгам сладостной мечты.

И чтобы стать ее достойным,
Вкусить божественной любви,
Я поднял меч к великим войнам,
Я плавал в злате и крови.

Я стал властителем вселенной,
Я Божий бич, я Божий глас,
Я царь жестокий и надменный,
Но лишь для вас, о, лишь для вас.

А для нее я тот же страстный
Любовник вечно молодой,
Я тихий гимн луны, согласной
С бесстрастно-блещущей звездой.

Рабы, найдите Деву Солнца
И приведите мне, царю,
И все дворцы, и все червонцы,
И земли все я вам дарю».

Он замолчал, и все мянутся,
И отплывают корабли,
И слуги верные несутся,
Спешат во все концы земли.

II

И солнц и лун прошло так много,
Печальный царь, томяся, ждет,
Он жадно смотрит на дорогу,
Склонясь у каменных ворот.

Однажды солнце догорало
И тихо теплились лучи,
Как песни вышнего хорала,
Как рати ангельской мечи.

Гонец примчался запыленный,
За ним сейчас еще другой,
И царь, горящий и влюбленный,
С надеждой смотрит пред собой.

Как звуки райского напева,
Он ловит быстрые слова:
«Она живет, святая дева...
О ней уже гремит молва...

Она пришла к твоим владеньям,
Она теперь у этих стен,
Ее народ встречает пеньем
И преклонением колен».

И царь навстречу деве мчится,
Охвачен страстною мечтой,
Но вьется траурная птица
Над венценосной головой.

Он видит деву, блеск огнистый
В его очах пред ней потух,
Пред ней, такой невинной, чистой,
Стыдливо-трепетной, как дух.

Лазурных глаз не потупляя,
Она идет, сомкнув уста,
Как дева пламенного рая,
Как солнца юная мечта.

Одежды легкие, простые
Покрыли матовость плечей,
И нежит кудри золотые
Венок из солнечных лучей.

Она идет стопой воздушной,
Глаза безмерно глубоки,
Она вплетает простодушно
В венок степные васильки.

Она не внемлет гласу бури,
Она покинула дворцы,
Пред ней рассыпались в лазури
Степных закатов багрецы.

Ее душа мечтой согрета,
Лазурность манит впереди,
И волны ласкового света
В ее колышутся груди.

Она идет перед народом,
Она скрывается вдали,
Так солнце клонит лик свой к водам,
Забыв о горестях земли.

И гордый царь опять остался
Безмолвно-бледен и один,
И кто-то весело смеялся
Бездонной радостью глубин.

Но глянул царь орлиным оком
И издал он могучий глас,
И кровь пролилася потоком,
И смерть, как буря, пронеслась.

Он как гроза, он гордо губит
В палящем зареве мечты,
За то, что он безмерно любит
Безумно-белые цветы.

Но дремлет мир в молчаньи строгом,
Он знает правду, знает сны,
И Смерть, и Кровь даны нам Богом
Для оттененья Белизны.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Осенней неги поцелуй
Горел в лесах звездой алой,
И песнь прозрачно-звонких струй
Казалась тихой и усталой.

С деревьев падал лист сухой,
То бледно-желтый, то багряный,
Печально плача над землей
Среди росистого тумана.

И солнце пышное вдали
Мечтало снами избытья
И целовало лик земли
В истоме сладкого бессилья.

А вечерами в небесах
Горели алые одежды
И, обагранные, в слезах,
Рыдали Голуби Надежды.

Летя в безмирной красоте,
Сердца к далекому манили
И созидали в высоте
Венки воздушно-белых лилий.

И осень та была полна
Словами жгучего напева,
Как плодоносная жена,
Как прародительница Ева.

*

В лесу, где часто по кустам
Резвились юные дриады,
Стоял безмолвно-строгий храм,
Маня покоем колоннады.

И белый мрамор говорил
О царстве Вечного Молчанья
И о полете гордых крыл
Неверно-тяжких, как рыданье.

А над высоким алтарем
В часы полуночных видений
Сходились, тихие, вдвоем
Две золотые девы-тени.

В объятьях ночи голубой,
Как розы радости мгновенны,
Они шептались меж собой
О тайнах Бога и вселенной.

Но миг, и шепот замолкал,
Как звуки тихого аккорда,
И белый мрамор вновь сверкал
Один, задумчиво и гордо.

И иногда, когда с небес
Слетит вечерняя прохлада,
Покинув луг, цветы и лес,
Шалила юная дриада.

Входила тихо, вся дрожа,
Залита сумраком багряным,
Свой белый пальчик приложит
К устам душистым и румяным.

На пол, горячий от луча,
Бросала пурпурную розу
И убегала, хохоча,
Любя свою земную грезу.

Ее влечет ее стезя
Лесного, радостного пенья,
А в этом храме быть нельзя
Детям греха и наслажденья.

И долго роза на полу
Горела пурпурным сияньем
И наполняла полумглу
Сребристо-горестным рыданьем.

Когда же мир, восстав от сна,
Сверкал улыбкою кристалла,
Она, печальна и одна,
В безмолвном храме умирала.

*

Когда ж вечерняя заря
На темном небе угасает
И на ступени алтаря
Последний алый луч бросает,

Пред ним склоняется одна,
Одна, желавшая напева

Или печальная жена,
Или обманутая дева.

Кто знает мрак души людской,
Ее восторги и печали?
Они эмалью голубой
От нас закрытые скрижали.

Кто объяснит нам, почему
У той жены всегда печальной
Глаза являют полутьму,
Хотя и кроют отблеск дальний?

Зачем высокое чело
Дрожит морщинами сомненья
И меж бровями залегло
Веков тяжелое томленьё?

И улыбаются уста
Зачем загадочно и зыбко?
И страстно требует мечта,
Чтоб этой не было улыбки?

Зачем в ней столько тихих чар?
Зачем в очах огонь пожара?
Она для нас больной кошмар
Иль правда, горестней кошмара.

Зачем, в отчаяньи мечты,
Она склонилась на ступени?
Что надо ей от высоты
И от воздушно-белой тени?

Не знаем! Мрак ночной глубок,
Мечта — пожар, мгновенья — стоны;
Когда ж забрезжится восток
Лучами жизни обновленной?

*

Едва трепещет тишина,
Смеясь эфирным синим волнам,
Глядит печальная жена
В молчанье строгом и безмолвном.

Небес далеких синева
Твердит неясные упреки,
В ее душе зажглись слова
И манят огненные строки.

Они звенят, они поют
Так заклинательно и строго:
«Душе измученной приют
В чертогах Радостного Бога;

Но Дня Великого покров
Не для твоих бессильных крылий,
Ты вся пока во власти снов,
Во власти тягостных усилий

Ночная, темная пора
Тебе дарит свою усладу,
И в ней живет твоя сестра —
Беспечно-юная дриада.

И ты еще так любишь смех
Земного, алого покровы,
И ты вплетаешь яркий грех
В гирлянды неба голубого.

Но если ты желаешь Дня
И любишь лучшую отраду,
Отдай объятиям огня
Твою сестру, твою дриаду.

И пусть она сгорит в тебе
Могучим, радостным гореньем,
Молясь всевидящей судьбе,
Ее покорствуя веленьям.

И будет твой услышан зов,
Мольба не явится бесплодной,
Уйдя от радости лесов,
Ты будешь божески свободной».

И душу те слова зажгли,
Горели огненные стрелы,
И алый свет, и свет земли
Предстал, как свет воздушно-белый.

*

Песня Дриады

Я люблю тебя, принц огня,
Так восторженно, так маняще,
Ты зовешь, ты зовешь меня
Из лесной, полуночной чащи.

Хоть в ней сны золотых цветов
И рассказы подруг приветных,
Но ты знаешь так много слов,
Слов любовных и беззаветных.

Как горит твой алый камзол,
Как сверкают милые очи,
Я покину родимый дол,
Я уйду от лобзаний ночи.

Так давно я ищу тебя,
И ко мне ты стремишься тоже,
Золотая звезда, любя,
Из лучей нам постелет ложе.

Ты возьмешь в объятия меня,
И тебя, тебя обниму я,
Я люблю тебя, принц огня,
Я хочу и жду поцелуя.

*

Цветы поют свой гимн лесной,
Детям и ласточкам знакомый,
И под развесистой сосной
Танцуют маленькие гномы.

Горит янтарная смола,
Лесной дворец светло пылает,
И голубая полумгла
Вокруг, как бабочка, порхает.

Жених, как радостный костер,
Горит, могучий и прекрасный,
Его сверкает гордый взор,
Его камзол пылает красный.

Цветы пурпурные звенят:
«Давайте места, больше места.
Она идет, краса дриад,
Стыдливо-белая невеста».

Она, прекрасна и тиха,
Не внемля радостному пенью,
Идет в объятия жениха
В любовно-трепетном томленьи.

От взора ласковых цветов
Их скрыла алая завеса,

Довольно песень, грез и снов
Среди лазоревого леса.

Он совершен, великий брак,
Безумный крик всемирных оргий!
Пускай леса оденет мрак,
В них было счастье и восторги.

*

Да, много, много было снов
И струн восторженно звенящих
Среди таинственных лесов,
В их голубых, веселых чашах.

Теперь открылись миры
Жене божественно-надменной,
Взамен угаснувшей сестры
Она узнала сон вселенной.

И, в солнца ткань облечена,
Она великая святыня,
Она не бледная жена,
Но венценосная богиня.

В эфире радостном блестя,
Катятся звезды мировые,
А в храме Белое Дитя
Творит святую литургию.

И Белый Всадник кинул клик,
Скача порывисто-безумно,
Что миг настал, великий миг,
Восторг предмирный и бездумный.

Уж звон копыт затих вдали,
Но вечно радостно мгновенье!
...И нет дриады, сна земли,
Пред ярким часом пробужденья.

СКАЗКА О КОРОЛЯХ

«Мы прекрасны и могучи,
Молодые короли,
Мы парим, как в небе тучи,
Над миражами земли.

В вечных песнях, в вечном танце
Мы воздвигнем новый храм.
Пусть пьянящие багрянцы
Точно окна будут нам.

Окна в Вечность, в лучезарность,
К берегам Святой Реки,
А за нами пусть Кошмарность
Создает свои венки.

Пусть терзают иглы терний
Лишь усталое чело,
Только солнце в час вечерний
Наши кудри греть могло.

Ночью пасмурной и мгlistой
Сердца чуткого не мучь;
Грозовой иль золотистой
Будь же тучей между туч».

*

Так сказал один влюбленный
В песни солнца, в счастье мира,
Лучезарный, как колонны
Просветленного эфира,

Словом вещим, многодумным
Пытку сердца успокоив,
Но смеялись над безумным
Стены старые покоев.

Сумрак комнат издевался,
Бледно-серый и угрюмый,
Но другой король поднялся
С новым словом, с новой думой.

Его голос был так страстен,
Столько снов жило во взоре,
Он был трепетен и властен,
Как стихающее море.

Он сказал: «Индийских тканей
Не постигнуты узоры,
В них несдержанность желаний,
Нам неведомые взоры.

Бледный лотус под луною
На болоте, мглой одетом,

Дышит тайною одною
С нашим цветом, с белым цветом.

И в безумствах теокалли
Что-то слышится иное,
Жизнь без счастья, без печали
И без бледного покоя.

Кто узнает, что томится
За пределом наших знаний
И, как бледная царица,
Ждет мучений и лобзаний».

*

Мрачный всадник примчался на черном коне,
Он закутан был в бархатный плащ,
Его взор был ужасен, как город в огне,
И, как молния ночью, блестящ.

Его кудри, как змеи, вились по плечам,
Его голос был песней огня и земли,
Он балладу пропел молодым королям,
И балладе внимали, смутясь, короли.

*

«Пять могучих коней мне дарил Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо,
Я увидел бездонность подземных пещер
И роскошных долин молодое лицо.

Принесли мне вина — струевого огня
Фея гор и властительно-пурпурный Гном,
Я увидел, что солнце зажглось для меня,
Просияв, как рубин на кольце золотом.

И я понял восторг создаваемых дней,
Расцветающий гимн мирового жреца,
Я смеялся порывам могучих коней
И игре моего золотого кольца.

Там, на высях сознания, — безумье и снег...
Но восторг мой прожег голубой небосклон,
Я на выси сознания направил свой бег
И увидел там деву, больную, как сон.

Ее голос был тихим дрожаньем струны,
В ее взорах сплетались ответ и вопрос,

И я отдал кольцо этой деве Луны
За неверный оттенок разбросанных кос.

И, смеясь надо мной, презирая меня,
Мои взоры одел Люцифер в полутьму,
Люцифер подарил мне шестого коня,
И Отчаянье было названье ему».

*

Голос тягостной печали,
Песней горя и земли,
Прозвучал в высоком зале,
Где стояли короли.

И холодные колонны
Неподвижностью своей
Отнеяли взор смущенный,
Вид угрюмый королей.

Но они вскричали вместе,
Облегчив больную грудь:
«Путь к Неведомой Невесте —
Наш единый верный путь.

Полны влагой наши чаши,
Так осушим их до дна,
Дева Мира будет нашей,
Нашей быть она должна!

Сдернем с радостной скрижали
Серый, мертвенный покров,
И раскрывшиеся дали
Нам расскажут правду снов.

Это верная дорога,
Мир иль наш, или ничей,
Правду мы возьмем у Бога
Силой огненных мечей».

*

По дороге их владений
Раздается звук трубы,
Голос царских наслаждений,
Голос славы и борьбы.

Их мечи из лучшей стали,
Их щиты как серебро,

И у каждого в забрале
Лебединое перо.

Все, надеждою крылаты,
Покидают отчий дом,
Провожает их горбатый
Старый, верный мажордом.

Верны сладостной приманке,
Они едут на закат,
И, смущаясь, поселанки
Долго им вослед глядят,

Видя только панцирь белый,
Звонкий, словно лепет струй,
И рукою загорелой
Посылают поцелуй.

*

По обрывам пройдет только смелый...
Они встретили Деву Земли,
Но она их любить не хотела,
Хоть и были они короли.

Хоть безумно они умоляли,
Но она их любить не могла,
Голубеющим счастьем печали
Молодых королей прокляла.

И больные, плакучие ивы
Их окутали тенью своей,
В той стране, безнадежно-счастливой,
Без восторгов, и снов, и лучей.

И венки им сплетали русалки
Из фиалок и лилий морских,
И, смеясь, надевали фиалки
На склоненные головы их.

Ни один не вернулся из битвы...
Развалился прадедовский дом,
Где так часто святые молитвы
Повторял их горбун мажордом.

*

Краски алого заката
Гасли в сумрачном лесу,

Где измученный горбатый
За слезой ронял слезу.

Над покинутым колодцем
Он шептал свои слова,
И бесстыдно над уродцем
Насмехалась сова.

«Горе! Умерли русалки,
Удалились короли,
Я, беспомощный и жалкий,
Стал властителем земли.

Прежде я беспечно прыгал,
Царский я любил чертог,
А теперь сосновых игол
На меня надет веноч.

А теперь в моем чертоге
Так пустынно ввечеру;
Страшно в мире... страшно, боги...
Помогите... я умру...»

Над покинутым колодцем
Он шептал свои слова,
И бесстыдно над уродцем
Насмехалась сова.

Высоты и бездны

Кто знает мрак души людской,
Ее восторги и печали?!
Они эмалью голубой
От нас сокрытые скрижали.

Н. Гумилев

* * *

Когда из темной бездны жизни
Мой гордый дух летел, прозрев,
Звучал на похоронной тризне
Печально-сладостный напев.

И в звуках этого напева,
На мраморный склоняясь гроб,
Лобзали горестные девы
Мои уста и бледный лоб.

И я из светлого эфира,
Припомнив радости свои,
Опять вернулся в грани мира
На зов тоскующей любви.

И я раскинулся цветами,
Прозрачным блеском звонких струй,
Чтоб ароматными устами
Земным вернуть их поцелуй.

ЛЮДЯМ НАСТОЯЩЕГО

Для чего мы не означим
Наших дум горячей дрожью,
Наполняем воздух плачем,
Снами, смешанными с ложью.

Для того ль, чтоб бесполезно,
Без блаженства, без печали
Между Временем и Бездной
Начертить свои спирали.

Для того ли, чтоб во мраке,
Полном снов и избылья,
Бросить тягостные знаки
Утомленья и бессилья.

И когда сойдутся в храме
Сонмы радостных видений,
Быть тяжелыми камнями
Для грядущих поколений.

ЛЮДЯМ БУДУЩЕГО

Издавна люди уважали
Одно старинное звено,
На их написано скрижали:
Любовь и Жизнь — одно.

Но вы не люди, вы живете,
Стрелой мечты вонзаясь в твердь,
Вы слейте в радостном полете
Любовь и Смерть.

Издавна люди говорили,
Что все они рабы земли

И что они, создання пыли,
Родились и умрут в пыли.
Но ваша светлая беспечность
Зажглась безумным пеньем лир.
Невестой вашей будет Вечность,
А храмом — мир.

Все люди верили глубоко,
Что надо жить, любить шутя
И что жена — дитя порока,
Стократ нечистое дитя.
Но вам бегущие години
Несли иной, нездешний звук,
И вы возьмете на Вершины
Своих подруг.

ПРОРОКИ

И ныне есть еще пророки,
Хотя упали алтари,
Их очи ясны и глубоки
Грядущим пламенем зари.

Но им так чужд призыв победный,
Их давит власть бездонных слов,
Они запуганы и бледны
В громадах каменных домов.

И иногда в печали бурной
Пророк, не признанный у нас,
Подъемлет к небу взор лазурный
Своих лучистых, ясных глаз.

Он говорит, что он безумный,
Но что душа его свята,
Что он, в печали многодумной,
Увидел светлым лик Христа.

Мечты Господни многооки,
Рука Дающего щедра,
И есть еще, как Он, пророки —
Святые рыцари добра.

Он говорит, что мир не страшен,
Что он Зари Грядущей князь...
Но только духи темных башен
Те речи слушают, смеясь.

РУСАЛКА

На русалке горит ожерелье
И рубины греховно-красны,
Это странно-печальные сны
Мирового, больного похмелья.
На русалке горит ожерелье
И рубины греховно-красны.

У русалки мерцающий взгляд,
Умирающий взгляд полуночи,
Он блестит, то длинней, то короче,
Когда ветры морские кричат.
У русалки чарующий взгляд,
У русалки печальные очи.

Я люблю ее, деву-ундину,
Озаренную тайной ночной,
Я люблю ее взгляд заревой
И горящие негой рубины...
Потому что я сам из пучины,
Из бездонной пучины морской.

НА МОТИВЫ ГРИГА

Кричит победно морская птица
Над вольной зыбью волны фиорда,
К каким пределам она стремится?
О чем ликует она так гордо?

Холодный ветер, седая сага
Так властно смотрят из звонкой песни,
И в лунной грезе морская влага
Еще прозрачней, еще чудесней.

Родятся замки из грезы лунной,
В высоких замках тоскуют девы,
Златые арфы так многострунны
И так маняще звучат напевы.

Но дальше песня меня уносит,
Я всей вселенной увижу звенья,
Мое стремленье иного просит,
Иных жемчужин, иных камней.

Я вижу праздник веселый, шумный,
В густых дубравах ликует эхо,
И ты приходишь мечтой бездумной,
Звеня восторгом, пылая смехом.

А на высотах, столь совершенных,
Где чистых лилий сверкают слезы,
Я вижу страстных среди блаженных,
На горном снеге алеют розы.

И где-то светит мне образ бледный,
Всегда печальный, всегда безмолвный...
...Но только чайка кричит победно
И гордо плещут седые волны.

ОСЕНЬ

По узкой тропинке
Я шел, упоенный мечтою своей,
И в каждой былинке
Горело сияние чьих-то очей.

Сплетались травы,
И медленно пели и млели цветы,
Дыханьем отравы
Зеленой, осенней светло залиты.

И в счастье обмана
Последних холодных и властных лучей
Звенел хохот Пана
И слышался говор нездешних речей.

И девы-дриады,
С кристаллами слез о лазурной весне,
Вкусили отраду,
Забывшись в осеннем, божественном сне.

Я знаю измену,
Сегодня я Пана ликующий брат,
А завтра одену
Из снежных цветов прихотливый наряд.

И грусть ледяная
Расскажет утихшим волненьем в крови
О счастье без рая,
Глазах без улыбки и снах без любви.

* * *

Иногда я бываю печален,
Я, забытый, покинутый бог,
Созидающий в груде развалин
Старых храмов — грядущий чертог.

Трудно храмы воздвигнуть из пепла,
И бескровные шепчут уста:
Не навек ли сгорела, ослепла
Вековая, Святая Мечта.

И тогда надо мною неясно,
Где-то там, в высоте голубой,
Чей-то голос порывисто-страстный
Говорит о борьбе мировой.

«Брат усталый и бледный, трудися!
Принеси себя в жертву земле,
Если хочешь, чтоб горные выси
Загорелись в полуночной мгле.

Если хочешь ты яркие дали
Развернуть пред больными людьми,
Дни безмолвной и жгучей печали
В свое мощное сердце возьми.

Жертвой будь голубой, предрассветной...
В темных безднах беззвучно сгори...
...И ты будешь Звездой Обетной,
Возвещающей близость зари».

* * *

По стенам опустевшего дома
Пробегают холодные тени,
И рыдают бессильные гномы
В тишине своих новых владений.

По стенам, по столам, по буфетам
Все могли бы их видеть воочью,
Их, оставленных ласковым светом,
Окруженных безрадостной ночью.

Их больные и слабые тельца
Трепетали в тоске и истоме
С той поры, как не стало владельца
В этом прежде смеявшемся доме.

Сумрак комнат покинутых душ,
Тишина с каждым мигом печальней,
Их владелец был ими ж задушен
В темноте готической спальни.

Унесли погребальные свечи,
Отшумели прощальные тризны,
И остались лишь смутные речи
Да рыдания, полны укоризны.

По стенам опустевшего дома
Пробегают холодные тени,
И рыдают бессильные гномы
В тишине своих новых владений.

РОМАНТИЧЕСКИЕ ЦВЕТЫ (1908)

СОНЕТ

Как конквистадор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.

Порою в небе смутном и беззвездном
Растет туман... но я смеюсь и жду,
И верю, как всегда, в мою звезду,
Я, конквистадор в панцире железном.

И если в этом мире не дано
Нам расковать последнее звено,
Пусть смерть приходит, я зову любую!

Я с нею буду биться до конца,
И, может быть, рукою мертвеца
Я лилию добуду голубую.

БАЛЛАДА

Пять коней подарил мне мой друг Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо,
Чтобы мог я спускаться в глубины пещер
И увидел небес молодое лицо.

Кони фыркали, били копытом, маня
Понестись на широком пространстве земном,
И я верил, что солнце зажглось для меня,
Просияв, как рубин на кольце золотом.

Много звездных ночей, много огненных дней
Я скитался, не зная скитанью конца,
Я смеялся порывам могучих коней
И игре моего золотого кольца.

Там, на высях сознания, — безумье и снег,
Но коней я ударил свистящим бичом.
Я на выси сознания направил их бег
И увидел там деву с печальным лицом.

В тихом голосе слышались звоны струны,
В странном взоре сливался с ответом вопрос,
И я отдал кольцо этой деве луны
За неверный оттенок разбросанных кос.

И, смеясь надо мной, презирая меня,
Люцифер распахнул мне ворота во тьму,
Люцифер подарил мне шестого коня —
И Отчаянье было названье ему.

ОССИАН

По небу бродили свинцовые, тяжкие тучи,
Меж них багровела луна, как смертельная рана.
Зеленого Эрина воин, Кухулин могучий
Упал под мечом короля океана, Сварана.

Зловеще рыдали сивиллы седой заклинанья,
Вспененное море вставало и вновь опадало,
И встретил Сваран иступленный, в грозе ликованья,
Героя героев, владыку пустыни, Фингала.

Схватились и ходят, скользя на росистых утесах,
Друг другу ломая медвежьи упругие спины,
И слушают вести от ветров протяжноголосых
О битве великой в великом испуге равнины.

Когда я устану от ласковых слов и объятий,
Когда я устану от мыслей и дел повседневных,
Я слышу, как воздух трепещет от грозных проклятий,
Я вижу на холме героев суровых и гневных.

ЗА ГРОБОМ

Под землей есть тайная пещера,
Там стоят высокие гробницы,
Огненные грезы Люцифера, —
Там блуждают стройные блудницы.

Ты умрешь бесславно иль со славой,
Но придет и властно глянет в очи
Смерти, старик угрюмый и костлявый,
Нудный и медлительный рабочий.

Понесет тебя по коридорам,
Понесет от башни и до башни.

Со стеклянным выпученным взором
Ты поймешь, что это сон всегдашний.

И когда, упав в твою гробницу,
Ты загредишь о небесном храме,
Ты увидишь пред собой блудницу
С острыми жемчужными зубами.

Сладко будет ей к тебе приникнуть,
Целовать со злобой бесконечной.
Ты не сможешь двинуться и крикнуть...
Это все. И это будет вечно.

КРЫСА

Вздрагивает огонек лампадки,
В полутемной детской тихо, жутко,
В кружевной и розовой кровати
Притаилась робкая малютка.

Что там? Будто кашель домового?
Там живет он, маленький и лысый...
Горе! Из-за шкафа платяного
Медленно выходит злая крыса.

В красноватом отблеске лампадки,
Поводя колючими усами,
Смотрит, есть ли девочка в кровати,
Девочка с огромными глазами.

— Мама, мама! — Но у мамы гости,
В кухне хохот няни Василисы,
И горят от радости и злости,
Словно уголечки, глазки крысы.

Страшно ждать, но встать еще страшнее.
Где он, где он, ангел светлокрылый?
— Милый ангел, приходи скорее,
Защити от крысы и помилуй!

РАССВЕТ

Змей взглянул, и огненные звенья
Потянулись, медленно бледнея,
Но горели яркие каменья
На груди властительного Змея.

Как он дивно светел, дивно страшен!
Но Павлин и строг и непонятен,
Золотистый хвост его украшен
Тысячею многоцветных пятен.

Молчаливо ждали у преддверья;
Только ангел шевельнул крылами,
И посыпались из рая перья
Легкими, сквозными облаками.

Сколько их насыпалось, белея,
Словно снег над неокрепшей нивой!
И погасли изумруды Змея
И Павлина веерное диво.

Что нам в бледном утреннем обмане?
И Павлин, и Змей — чужие людям.
Вот они растаяли в тумане,
И мы больше видеть их не будем.

Мы дрожим, как маленькие дети,
Нас пугают времени налеты,
Мы пойдем молиться на рассвете
В ласковые мраморные гроты.

СМЕРТЬ

Нежной, бледной, в пепельной одежде
Ты явилась с ласкою очей.
Не такой тебя встречал я прежде
В трубном вое, в лязганье мечей.

Ты казалась золотисто-пьяной,
Обнажив сверкающую грудь.
Ты среди кровавого тумана
К небесам прорезывала путь.

Как у вечно жаждущей Астреи,
Взоры были дивно глубоки,
И неслась по жилам кровь быстрее,
И крепчали мускулы руки.

Но тебя, хоть ты теперь иная,
Я мечтою прежней узнаю.
Ты меня манила песней рая,
И с тобой мы встретимся в раю.

В НЕБЕСАХ

Ярче золота вспыхнули дни,
И бежала Медведица-ночь.
Догони ее, князь, догони,
Зааркань и к седлу приторочь!

Зааркань и к седлу приторочь,
А потом в голубом терему
Укажи на Медведицу-ночь
Богатырскому Псу своему.

Мертвой хваткой вцепляется Пес,
Он отважен, силен и хитер,
Он звериную злобу донес
К медведям с незапамятных пор.

Никуда ей тогда не спастись,
И издохнет она наконец,
Чтобы в небе спокойно паслись
Козерог, и Овен, и Телец.

ДУМЫ

Зачем они ко мне собрались, думы,
Как воры ночью в тихий мрак предместий?
Как коршуны, зловещи и угрюмы,
Зачем жестокой требовали мести?

Ушла надежда, и мечты бежали,
Глаза мои открылись от волненья,
И я читал на призрачной скрижали
Свои слова, дела и помышленья.

За то, что я спокойными очами
Смотрел на уплывающих к победам,
За то, что я горячими губами
Касался губ, которым грех неведом,

За то, что эти руки, эти пальцы
Не знали плуга, были слишком тонки,
За то, что песни, вечные скитальцы,
Томили только, горестны и звонки, —

За все теперь настало время мести.
Обманный, нежный храм слепцы разрушат,
И думы, воры в тишине предместий,
Как нищего во тьме, меня задуют.

КРЕСТ

Так долго лгала мне за картою карта,
Что я уж не мог опьяниться вином.
Холодные звезды тревожного марта
Бледнели одна за другой за окном.

В холодном безумье, в тревожном азарте
Я чувствовал, будто игра эта — сон.
«Весь банк, — закричал, — покрываю я в карте!»
И карта убита, и я побежден.

Я вышел на воздух. Рассветные тени
Бродили так нежно по нежным снегам.
Не помню я сам, как я пал на колени,
Мой крест золотой прижимая к губам.

«Стать вольным и чистым, как звездное небо,
Твой посох принять, о Сестра Нищета,
Бродить по дорогам, выпрашивать хлеба,
Людей заклиная святыней креста!»

Мгновенье... и в зале веселой и шумной
Все стихли и встали испуганно с мест,
Когда я вошел, воспаленный, безумный,
И молча на карту поставил мой крест.

МАСКАРАД

В глухих коридорах и в залах пустынных
Сегодня собрались веселые маски,
Сегодня в увитых цветами гостиных
Прошли ураганом безумные пляски.

Бродили с драконами под руку луны,
Китайские вазы метались меж ними,
Был факел горящий и лютя, где струны
Твердили одно непонятное имя.

Мазурки стремительный зов раздавался,
И я танцевал с куртизанкой Содома,
О чем-то грустил я, чему-то смеялся,
И что-то казалось мне странно знакомо.

Молил я подругу: «Сними эту маску,
Ужели во мне не узнала ты брата?
Ты так мне напомнила древнюю сказку,
Которую раз я услышал когда-то.

Для всех ты останешься вечно чужою
И лишь для меня бесконечно знакома,
И верь, от людей и от масок я скрою,
Что знаю тебя я, царица Содомы».

Под маской мне слышался смех ее юный,
Но взоры ее не встречались с моими,
Бродили с драконами под руку луны,
Китайские вазы метались меж ними.

Как вдруг под окном, где угрозой пустою
Темнело лицо проплывающей ночи,
Она от меня ускользнула змеею,
И сдернула маску, и глянула в очи.

Я вспомнил, я вспомнил — такие же песни,
Такую же дикую дрожь сладострастья
И ласковый, вкрадчивый шепот: «Воскресни,
Воскресни для жизни, для боли и счастья!»

Я многое понял в тот миг сокровенный,
Но страшную клятву мою не нарушу.
Царица, царица, ты видишь, я пленный,
Возьми мое тело, возьми мою душу!

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Солнце катится, кудри мои золотя,
Я срываю цветы, с ветерком говорю.
Почему же не счастлив я, словно дитя,
Почему не спокоен, подобно царю?

На испытанном луке дрожит тетива,
И все шепчет и шепчет сверкающий меч.
Он, безумный, еще не забыл острова,
Голубые моря нескончаемых сеч.

Для кого же теперь вы готовите смерть,
Сильный меч и далеко стреляющий лук?
Иль не знаете вы — завоевана твердь,
К нам склонилась земля, как союзник и друг;

Все моря целовали мои корабли,
Мы почтили сраженьями все берега.
Неужели за гранью широкой земли
И за гранью небес вы узнали врага?

ВЫБОР

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры
Или к заводам тихой реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.

УМНЫЙ ДЬЯВОЛ

Мой старый друг, мой верный Дьявол,
Пропел мне песенку одну:
«Всю ночь моряк в пучине плавал,
А на заре пошел ко дну.

Кругом вставали волны-стены,
Спадали, вспенивались вновь,
Пред ним неслась, белее пены,
Его великая любовь.

Он слышал зов, когда он плавал:
«О, верь мне, я не обману»...
Но помни, — молвил умный Дьявол, —
Он на заре пошел ко дну».

ОТКАЗ

Царица — иль, может быть, только печальный ребенок, —
Она наклонялась над сонно вздыхающим морем,
И стан ее, стройный и гибкий, казался так тонок,
Он тайно стремился навстречу серебряным зорям.

Сбегающий сумрак. Какая-то крикнула птица,
И вот перед ней замелькали на влаге дельфины.
Чтоб плыть к бирюзовым владеньям влюбленного принца,
Они предлагали свои глянцевитые спины.

Но голос хрустальный казался особенно звонок,
Когда он упрямо сказал роковое: «Не надо»...
Царица — иль, может быть, только капризный ребенок,
Усталый ребенок с бессильною мукою взгляда.

ВОСПОМИНАНИЕ

Над пучиной в полуденный час
Пляшут искры, и солнце лучится,
И рыдает молчанием глаз
Далеко залетевшая птица.

Заманила зеленая сеть
И окутала взоры туманом,
Ей осталось лететь и лететь
До конца над немим океаном.

Прихотливые вихри влекут,
Бесполезны мольбы и усилья,
И на землю ее не вернут
Утомленные белые крылья.

И когда я увидел твой взор,
Где печальные скрылись зарницы,
Я заметил в нем тот же укор,
Тот же ужас измученной птицы.

МЕЧТЫ

За покинутым бедным жилищем,
Где чернеют остатки забора,
Старый ворон с оборванным нищим
О восторгах вели разговоры.

Старый ворон в тревоге всегдашней
Говорил, трепеща от волнения,
Что ему на развалинах башни
Небывалые снились виденья.

Что в полете воздушном и смелом
Он не помнил тоски их жилища
И был лебедем, нежным и белым,
Принцем был отвратительный нищий.

Нищий плакал бессильно и глухо.
Ночь тяжелая с неба спустилась.
Проходившая мимо старуха
Учащенно и робко крестилась.

ПЕРЧАТКА

На руке моей перчатка,
И ее я не сниму,
Под перчаткою загадка,
О которой вспомнить сладко
И которая уводит мысль во тьму.

На руке прикосновенье
Тонких пальцев милых рук,
И как слух мой помнит пенье,
Так хранит их впечатленья
Эластичная перчатка, верный друг.

Есть у каждого загадка,
Уводящая во тьму,
У меня — моя перчатка,
И о ней мне вспомнить сладко,
И ее до новой встречи не сниму.

МНЕ СНИЛОСЬ

Мне снилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом.
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом.

Когда мы сказали: «Довольно»?
Давно ли, и что это значит?
Но странно, что сердцу не больно,
Что сердце не плачет.

Бессильные чувства так странны,
Застывшие мысли так ясны,
И губы твои не желанны,
Хоть вечно прекрасны.

Свершилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом.
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом.

САДА-ЯККО

В полутемном строгом зале
Пели скрипки, Вы плясали.
Группы бабочек и лилий
На шелку зеленоватом,
Как живые, говорили
С электрическим закатом.
И ложилась тень акаций
На полотна декораций.

Вы казались бонбоньеркой
Над изящной этажеркой,
И, как беленькие кошки,
Как играющие дети,
Ваши маленькие ножки
Трепетали на паркете,
И руками золотыми
Нам сияло Ваше имя.

И когда Вы говорили,
Мы далекое любили,
Вы бросали в нас цветами
Незнакомое искусства,
Непонятными словами
Опьяняя наши чувства,
И мы верили, что солнце —
Только вымысел японца.

САМОУБИЙСТВО

Улыбнулась и вздохнула,
Догадавшись о покое,
И последний раз взглянула
На ковры и на обои.

Красный шарик уронила
На вино в узорный кубок
И капризно помочила
В нем кораллы нежных губок.

И живая тень румянца
Заменилась тенью белой,
И, как в странной позе танца,
Искривясь, поникло тело.

И чужие миру звуки
Издалека набегают,
И незримый бисер руки,
Задрожав, перебирают.

На ковре она трепещет,
Словно белая голубка,
А отравленная блещет
Золотая влага кубка.

ПРИНЦЕССА

В темных покрывалах летней ночи
Заблудилась юная принцесса.
Плачущей нашел ее рабочий,
Что работал в самой чаще леса.

Он отвел ее в свою избушку,
Угостил лепешкой с горьким салом,
Подложил под голову подушку
И закутал ноги одеялом.

Сам заснул в углу далеко сладко,
Стало тихо тишиной виденья.
Пламенем мелькающим лампадка
Освещала только часть строения.

Неужели это только тряпки,
Жалкие, ненужные отбросы,
Кроличьи засушенные лапки,
Брошенные на пол папиросы?

Почему же ей ее томленье
Кажется мучительно знакомо
И ей шепчут грязные поленья,
Что она теперь лишь вправду дома?

...Ранним утром заспанный рабочий
Проводил принцессу до опушки,
Но не раз потом в глухие ночи
Проливались слезы об избушке.

ΠΡΟΖΑ

ЗАПИСКИ КАВАЛЕРИСТА

I

Мне, вольноопределяющемуся-охотнику одного из кавалерийских полков, работа нашей кавалерии представляется как ряд отдельных вполне законченных задач, за которыми следует отдых, полный самых фантастических мечтаний о будущем. Если пехотинцы — поденщики войны, выносящие на своих плечах всю ее тяжесть, то кавалеристы — это веселая странствующая артель, с песнями в несколько дней кончающая прежде длительную и трудную работу. Нет ни зависти, ни соревнования. «Вы — наши отцы, — говорит кавалерист пехотинцу, — за вами как за каменной стеной».

.....

Помню, был свежий солнечный день, когда мы подходили к границе Восточной Пруссии. Я участвовал в разезде, посланном, чтобы найти генерала М., к отряду которого мы должны были присоединиться. Он был на линии боя, но, где протянулась эта линия, мы точно не знали. Так же легко, как на своих, мы могли выехать на германцев. Уже совсем близко, словно большие кузнечные молоты, гремели германские пушки, и наши залпами ревели им в ответ. Где-то убедительно быстро на своем ребячьем и страшном языке пулемет лепетал непонятное.

Неприятельский аэроплан, как ястреб над спрятавшейся в траве перепелкою, постоял над нашим разездом и стал медленно спускаться к югу. Я увидел в бинокль его черный крест.

Этот день навсегда останется священным в моей памяти. Я был дозорным и первый раз на войне почувствовал, как напрягается воля, прямо до физического ощущения какого-то окаменения, когда надо одному въезжать в лес, где, может быть, залегла неприятельская цепь, скакать по полю, вспаханному и поэтому исключаящему возможность быстрого отступления, к движущейся колонне, чтобы узнать, не обстреляет ли она тебя. И в вечер этого дня, ясный, нежный вечер, я впервые услышал за редким перелеском нарастающий гул «ура», с которым был взят В. Огнезарная птица победы в этот день слегка коснулась своим огромным крылом и меня.

На другой день мы вошли в разрушенный город, от которого медленно отходили немцы, преследуемые нашим артиллерийским огнем. Хлюпая в черной липкой грязи, мы подошли к реке, границе между государствами, где стояли орудия. Оказалось, что преследовать врага в конном строю не имело смысла: он отступал нерасстро-

енным, останавливаясь за каждым прикрытием и каждую минуту готовый поворотить — совсем матерый, привыкший к опасным дракам волк. Надо было только нащупывать его, чтобы давать указания, где он. Для этого было довольно разъездов.

По трясуемому наспех сделанному понтонному мосту наш взвод перешел реку.

.....

Мы были в Германии.

Я часто думал с тех пор о глубокой разнице между завоевательным и оборонительным периодами войны. Конечно, и тот и другой необходимы лишь для того, чтобы сокрушить врага и завоевать право на прочный мир, но ведь на настроение отдельного воина действуют не только общие соображения, — каждый пустяк, случайно добытый стакан молока, косой луч солнца, освещающий группу деревьев, и свой собственный удачный выстрел порой радуют больше, чем известие о сражении, выигранном на другом фронте. Эти шоссезные дороги, разбегающиеся в разные стороны, эти расчищенные, как парки, рощи, эти каменные домики с красными черепичными крышами наполнили мою душу сладкой жадной стремления вперед, и так близки показались мне мечты Ермака, Перовского и других представителей России, завоевывающей и торжествующей. Не это ли и дорога в Берлин, пышный город солдатской культуры, в который надлежит входить не с ученическим посохом в руках, а на коне и с винтовкой за плечами?

Мы пошли лавой, и я опять был дозорным. Проезжал мимо брошенных неприятелем окопов, где валялись сломанная винтовка, изодранные патронташи и целые груды патронов. Кое-где виднелись красные пятна, но они не вызывали того чувства неловкости, которое нас охватывает при виде крови в мирное время.

.....

Передо мной на невысоком холме была ферма. Там мог скрываться неприятель, и я, сняв с плеча винтовку, осторожно приблизился к ней.

Старик, давно перешедший возраст ландштурмиста, робко смотрел на меня из окна. Я спросил его, где солдаты. Быстро, словно повторяя заученный урок, он ответил, что они прошли полчаса тому назад, и указал направление. Был он красноглазый, с небритым подбородком и корявыми руками. Наверно, такие во время нашего похода в Восточную Пруссию стреляли в наших солдат из монтекристо. Я не поверил ему и проехал дальше. Шагах в пятистах за фермой начинался лес, в который мне надо было въехать, но мое внимание привлекла куча соломы, в которой я инстинктом охотника угадывал что-то для меня интересное. В ней могли прятаться германцы. Если они вылезут прежде, чем я их замечу, они застрелят меня. Если я замечу их вылезающими, то — я их застрелю. Я стал объезжать солому, чутко прислу-

шиваясь и держа винтовку на весу. Лошадь фыркала, поводила ушами и слушалась неохотно. Я так был поглощен моим исследованием, что не сразу обратил внимание на редкую трескотню, раздававшуюся со стороны леса. Легкое облачко белой пыли, взвивавшееся шагах в пяти от меня, привлекло мое внимание. Но только когда, жалостно ноя, пуля пролетела над моей головой, я понял, что меня обстреливают, и притом из лесу. Я обернулся на разбезд, чтобы узнать, что мне делать. Он карьером скакал обратно. Надо было уходить и мне. Моя лошадь сразу поднялась в галоп, и как последнее впечатление я запомнил крупную фигуру в черной шинели, с каской на голове, на четвереньках, с медвежьей ухваткой вылезавшую из соломы.

Пальба уже стихла, когда я присоединился к разбезду. Корнет был доволен. Он открыл неприятеля, не потеряв при этом ни одного человека. Через десять минут наша артиллерия примется за дело. А мне было только мучительно обидно, что какие-то люди стреляли по мне, бросили мне этим вызов, а я не принял его и повернул. Даже радость избавления от опасности нисколько не смягчала этой внезапно закипевшей жажды боя и мести. Теперь я понял, почему кавалеристы так мечтают об атаках. Налететь на людей, которые, спрятавшись в кустах и окопах, безопасно расстреливают издали видных всадников, заставить их бледнеть от все учащающегося топота копыт, от сверкания обнаженных шашек и грозного вида наклоненных пик, своей стремительностью легко опрокинуть, точно сдунуть, втрое сильнеешего противника, это — единственное оправдание всей жизни кавалериста.

.....

На другой день испытал я и шрапнельный огонь. Наш эскадрон занимал В., который ожесточенно обстреливали германцы. Мы стояли на случай их атаки, которой так и не было. Только вплоть до вечера, все время протяжно и не без приятности, пела шрапнель, со стен сыпалась штукатурка да кое-где загорались дома. Мы входили в опустошенные квартиры и кипятили чай. Кто-то даже нашел в подвале насмерть перепуганного жителя, который с величайшей готовностью продал нам недавно зарезанного поросенка. Дом, в котором мы его съели, через полчаса после нашего ухода был продырявлен тяжелым снарядом. Так я научился не бояться артиллерийского огня.

II

1

Самое тяжелое для кавалериста на войне, это — ожидание. Он знает, что ему ничего не стоит зайти во фланг движущемуся противнику, даже оказаться у него в тылу, и что никто его не окружит, не отрежет путей к отступлению, что всегда окажется спасительная тро-

пинка, по которой целая кавалерийская дивизия легким галопом уедет из-под самого носа одуряченного врага.

.....

Каждое утро, еще затемно, мы, путаясь среди канав и изгородей, выбирались на позицию и весь день проводили за каким-нибудь бугром, то прикрывая артиллерию, то просто поддерживая связь с неприятелем. Была глубокая осень, голубое холодное небо, на резко чернеющих ветках золотые обрывки парчи, но с моря дул пронзительный ветер, и мы с синими лицами, с покрасневшими веками плясали вокруг лошадей и засовывали под седла окоченелые пальцы. Странно, время тянулось совсем не так долго, как можно было предполагать. Иногда, чтобы согреться, шли взводом на взвод и, молча, целыми кучами барахтались на земле. Порой нас развлекали рвущиеся поблизости шрапнели, кое-кто робел, другие смеялись над ним и спорили, по нам или не по нам стреляют немцы. Настоящее томление наступало только тогда, когда уезжали квартирьеры на отведенный нам бивак, и мы ждали сумерек, чтобы последовать за ними.

О, низкие, душные халупы, где под кроватью кудахтают куры, а под столом поселился баран; о, чай! который можно пить только с сахаром вприкуску, но зато никак не меньше шести стаканов; о, свежая солома! расстеленная для сна по всему полу, — никогда ни о каком комфорте не мечтается с такой жадностью, как о вас!! И безумно-дерзкие мечты, что на вопрос о молоке и яйцах вместо традиционного ответа: «Вшистка германи забрали», хозяйка поставит на стол крынку с густым налетом сливок и что на плите радостно зашипит большая яичница с салом! И горькие разочарования, когда приходится ночевать на сеновалах или на снопах немолоченого хлеба, с цепкими, колючими колосьями, дрожать от холода, вскакивать и сниматься с бивака по тревоге!

.....

2

Предприняли мы однажды разведывательное наступление, решили на другой берег реки Ш. и двинулись по равнине к далекому лесу. Наша цель была — заставить заговорить артиллерию, и та, действительно, заговорила. Глухой выстрел, протяжное завыванье, и шагах в ста от нас белеющим облачком лопнула шрапнель. Вторая разорвалась уже в пятидесяти шагах, третья — в двадцати. Было ясно, что какой-нибудь обер-лейтенант, сидя на крыше или на дереве, чтобы корректировать стрельбу, надрывается в телефонную трубку: «Правее, правее!»

.....

Мы повернули и галопом стали уходить.

.....

Новый снаряд разорвался прямо над нами, ранил двух лошадей и прострелил шинель моему соседу. Где рвались следующие, мы уже не видели. Мы скакали по тропинкам холеной рощи вдоль реки под прикрытием ее крутого берега. Германцы не догадались обстрелять брод, и мы без потерь оказались в безопасности. Даже раненых лошадей не пришлось пристреливать, их отправили на излечение.

На следующий день противник несколько отошел, и мы снова оказались на другом берегу, на этот раз в роли сторожевого охранения.

Трехэтажное кирпичное строение, нелепая помесь средневекового замка и современного доходного дома, было почти разрушено снарядами.

.....

Мы приютились в нижнем этаже на изломанных креслах и кушетках. Сперва было решено не высовываться, чтобы не выдать своего присутствия. Мы смирно рассматривали тут же найденные немецкие книжки, писали домой письма на открытках с изображением Вильгельма.

.....

3

Через несколько дней в одно прекрасное, даже не холодное утро свершилось долгожданное. Эскадронный командир собрал унтер-офицеров и прочел приказ о нашем наступлении по всему фронту. Наступать — всегда радость, но наступать по неприятельской земле, это — радость, удесятеренная гордостью, любопытством и каким-то непреложным ощущением победы. Люди молодеваато усаживаются в седлах. Лошади прибавляют шаг.

.....

..... Время, когда от счастья спирается дыхание, время горящих глаз и безотчетных улыбок.

Справа по три, вытянувшись длинной змеею, мы пустились по белым обсаженным столетними деревьями дорогам Германии. Жители снимали шапки, женщины с торопливой угодливостью выносили молоко. Но их было мало, большинство бежало, боясь расплаты за преданные заставы, отравленных разведчиков.

.....

..... Особенно мне запомнился важный старый

господин, сидевший перед раскрытым окном большого помещичьего дома.

Он курил сигару, но его брови были нахмурены, пальцы нервно теребили седые усы, и в глазах читалось горестное изумление. Солдаты, проезжая мимо, робко на него взглядывали и шепотом обменивались впечатлениями: «Серьезный барин, наверно, генерал... ну и вредный, надо быть, когда ругается...»

.....
..... Вот за лесом послышалась ружейная пальба — партия отсталых немецких разведчиков. Туда помчался эскадрон, и все смолкло. Вот над нами раз за разом разорвалось несколько шрапнелей. Мы рассыпались, но продолжали продвигаться вперед. Огонь прекратился. Видно было, что германцы отступают решительно и бесповоротно. Нигде не было заметно сигнальных пожаров, и крылья мельниц висели в том положении, которое им придал ветер, а не германский штаб. Поэтому мы были крайне удивлены, когда услышали невдалеке частую, частую перестрелку, точно два больших отряда вступили между собой в бой. Мы поднялись на пригорок и увидели забавное зрелище. На рельсах узкоколейной железной дороги стоял горящий вагон, и из него и неслись эти звуки. Оказалось, он был наполнен патронами для винтовок, немцы в своем отступлении бросили его, а наши подожгли. Мы расхохотались, узнав, в чем дело, но отступающие враги, наверно, долго и напряженно ломали голову, кто это там храбро сражается с наступающими русскими.

Вскоре навстречу нам стали попадаться партии свежепойманных пленников.

.....
..... Очень был забавен один прусский улан, все время удивлявшийся, как хорошо ездят наши кавалеристы. Он скакал, объезжая каждый куст, каждую канаву, при спусках замедляя аллюр, наши скакали напрямик и, конечно, легко его поймали. Кстати, многие наши жители уверяют, что германские кавалеристы не могут сами сесть на лошадь. Например, если в разъезде десять человек, то один сперва подсаживает девятерых, а потом сам садится с забора или пня. Конечно, это легенда, но легенда очень характерная. Я сам видел однажды, как вылетевший из седла германец бросился бежать, вместо того чтобы опять вскочить на лошадь.

Вечерело. Звезды кое-где уже прокололи легкую мглу, и мы, выставив сторожевое охраненье, отправились на ночлег. Биваком нам послужила обширная благоустроенная усадьба с сыроварнями, пасекой, образцовыми конюшнями, где стояли очень недурные кони. По

двору ходили куры, гуси, в закрытых помещениях мычали коровы, не было только людей, совсем никого, даже скотницы, чтобы дать напиться привязанным животным. Но мы на это не сетовали. Офицеры заняли несколько парадных комнат в доме, нижним чинам досталось все остальное.

Я без труда отвоевал себе отдельную комнату, принадлежащую, судя по брошенным женским платьям, бульварным романам и слащавым открыткам, какой-нибудь экономке или камеристке, наколот дров, растопил печь и как был, в шинели, бросился на кровать и сразу заснул. Проснулся уже за полночь от ледящего холода. Печь моя потухла, окно открылось, и я пошел на кухню, мечтая погреться у пылающих углей.

.....
..... И в довершение я получил очень ценный практический совет. Чтобы не озябнуть, никогда не ложиться в шинели, а только покрываться ею.

На другой день был дозорным. Отряд двигался по шоссе, я ехал полем, шагах в трехстах от него, причем мне вменялось в обязанность осматривать многочисленные фольварки и деревни, нет ли там немецких солдат или хотя ландштурмистов, то есть попросту мужчин от семнадцати до сорока трех лет. Это было довольно опасно, несколько сложно, но зато очень увлекательно. В первом же доме я встретил идиотического вида мальчишку, мать уверяла, что ему шестнадцать лет, но ему так же легко могло быть и восемнадцать, и даже двадцать. Все-таки я оставил его, а в следующем доме, когда я пил молоко, пуля впилась в дверной косяк вершка на два от моей головы.

В доме пастора я нашел лишь служанку-литвинку, говорящую по-польски; она объяснила мне, что хозяйева бежали час тому назад, оставив на плите готовый завтрак, и очень уговаривала меня принять участие в его уничтожении. Вообще мне часто приходилось входить в совершенно безлюдные дома, где на плите кипел кофе, на столе лежало начатое вязанье, открытая книга; я вспомнил о девочке, зашедшей в дом медведей, и все ждал услышать грозное: «Кто съел мой суп? Кто лежал на моей кровати?»

.....
Дики были развалины города Ш. Ни одной живой души. Моя лошадь пугливо вздрагивала, пробираясь по заваленным кирпичами улицам мимо зданий с вывороченными внутренностями, мимо стен с зияющими дырами, мимо труб, каждую минуту готовых обвалиться. На бесформенной груде обломков виднелась единственная уцелевшая вывеска «Ресторан». Какое счастье было вырваться опять в простор полей, увидеть деревья, услышать милый запах земли.

.....

Вечером мы узнали, что наступление будет продолжаться, но наш полк переводят на другой фронт. Новизна всегда пленяет солдат но, когда я посмотрел на звезды и вдохнул ночной ветер, мне вдруг стало очень грустно расставаться с небом, под которым я как-никак получил мое боевое крещение.

III

Южная Польша — одно из красивейших мест России. Мы ехали верст восемьдесят от станции железной дороги до соприкосновения с неприятелем, и я успел вдоволь налюбоваться ею. Гор, утечи туристов, там нет, но на что равнинному жителю горы? Есть леса, есть воды, и этого довольно вполне.

Леса сосновые, саженые, и, проезжая по ним, вдруг видишь узкие, прямые, как стрелы, аллеи, полные зеленым сумраком с сияющим просветом вдаль, — словно храмы ласковых и задумчивых богов древней, еще языческой Польши. Там водятся олени и косули, с куриной повадкой пробегают золотистые фазаны, в тихие ночи слышно, как чавкает и ломает кусты кабан.

Среди широких отмелей размытых берегов лениво извиаются реки; широкие, с узенькими между них перешейками, озера блестят и отражают небо, как зеркала из полированного металла; у старых мшистых мельниц тихие запруды с нежно журчащими струйками воды и каким-то розово-красным кустарником, странно напоминающим человеку его детство.

В таких местах, что бы ты ни делал — любил или воевал, — все представляется значительным и чудесным.

Это были дни больших сражений. С утра до поздней ночи мы слышали грохотанье пушек, развалины еще дымились, и то там, то сям кучки жителей зарывали трупы людей и лошадей. Я был назначен в летучую почту на станции К. Мимо нее уже проходили поезда, хотя чаще всего под обстрелом. Из жителей там остались только железнодорожные служащие; они встретили нас с изумительным радушием. Четыре машиниста спорили за честь приютить наш маленький отряд. Когда наконец один одержал верх, остальные явились к нему в гости и принялись обмениваться впечатлениями. Надо было видеть, как горели от восторга их глаза, когда они рассказывали, что вблизи их поезда рвалась шрапнель, в паровоз ударила пуля. Чувствовалось, что только недостаток инициативы помешал им записаться добровольцами. Мы расстались друзьями, обещали друг другу писать, но разве такие обещания когда-нибудь сдерживаются?

.

На другой день, среди милого безделья покойного бивака, когда читаешь желтые книжки Универсальной библиотеки, чистишь вин-

товку или попросту болтаешь с хорошенькими паненками, нам внезапно скомандовали седлать, и так же внезапно переменным аллюром мы сразу прошли верст пятьдесят. Мимо мелькали одно за другим сонные местечки, тихие и величественные усадьбы, на порогах домов старухи в наскоро наброшенных на голову платках вздыхали, бормоча: «Ой, Матка Бозка». И, выезжая временами на шоссе, мы слушали глухой, как морской прибой, стук бесчисленных копыт и догадывались, что впереди и позади нас идут другие кавалерийские части и что нам предстоит большое дело.

Ночь далеко перевалила за половину, когда мы стали на бивак. Утром нам пополнили запас патронов, и мы двинулись дальше. Местность была пустынная: какие-то буераки, низкорослые ели, холмы. Мы построились в боевую линию, назначили, кому спешиваться, кому быть коноводом, выслали вперед разъезды и стали ждать. Поднявшись на пригорок и скрытый деревьями, я видел перед собой пространство приблизительно с версту. По нему там и сям были рассеяны наши заставы. Они были так хорошо скрыты, что большинство я разглядел лишь тогда, когда, отстреливаясь, они стали уходить. Почти следом за ними показались германцы. В поле моего зрения попали три колонны, двигавшиеся шагах в пятистах друг от друга.

Они шли густыми толпами и пели. Это была не какая-нибудь определенная песня и даже не наше дружное «ура», а две или три ноты, чередующиеся со свирепой и угрюмой энергией. Я не сразу понял, что поющие — мертвецки пьяны. Так странно было слышать это пение, что я не замечал ни грохота наших орудий, ни ружейной пальбы, ни частого, дробного стука пулеметов. Дикое «а... а... а...» властно покорило мое сознание. Я видел только, как над самыми головами врагов взвиваются облачки шрапнелей, как падают передние ряды, как другие становятся на их место и продвигаются на несколько шагов, чтобы лечь и дать место следующим. Похоже было на разлив весенних вод, — те же медленность и неуклонность.

Но вот наступила и моя очередь вступить в бой. Послышалась команда: «Ложись... прицел восемьсот... эскадрон, пли», и я уже ни о чем не думал, а только стрелял и заряжал, стрелял и заряжал. Лишь где-то в глубине сознания жила уверенность, что все будет как нужно, что в должный момент нам скомандуют идти в атаку или садиться на коней и тем или другим мы приблизим ослепительную радость последней победы.

.....
Поздно ночью мы отошли на бивак в большое имение.
.....

..... В комнатке садовника мне его жена вскипятила квартиру молока, я поджарил в сале колбасу, и мой ужин разделили со

мною мои гости: вольноопределяющийся, которому только что убитая под ним лошадь отдала ногу, и вахмистр со свежей ссадиной на носу, его так поцарапала пуля. Мы уже закурили и мирно беседовали, когда случайно забредший к нам унтер сообщил, что от нашего эскадрона высылается разъезд. Я внимательно себя проэкзаменовал и увидел, что я выспался или, вернее, выдремался в снегу, что я сыт, согрелся и что нет основания мне не ехать. Правда, первый миг неприятно было выйти из теплой, уютной комнаты на холодный и пустынный двор, но это чувство сменилось бодрым оживлением, едва мы нырнули по невидной дороге во мрак, навстречу неизвестности и опасности.

Разъезд был дальний, и поэтому офицер дал нам вздремнуть, часа три, на каком-то сеновале. Ничто так не освежает, как короткий сон, и наутро мы ехали уже совсем бодрые, освещаемые бледным, но все же милым солнцем. Нам было поручено наблюдать район версты в четыре и сообщать обо всем, что мы заметим. Местность была совершенно ровная, и перед нами как на ладони виднелись три деревни. Одна была занята нами, о двух других ничего не было известно.

Держа винтовки в руках, мы осторожно въехали в ближайшую деревню, проехали ее до конца и, не обнаружив неприятеля, с чувством полного удовлетворения напились парного молока, вынесенного нам красивой словоохотливой старухой. Потом офицер, отозвав меня в сторону, сообщил, что хочет дать мне самостоятельное поручение ехать старшим над двумя дозорными в следующую деревню. Поручение пустяжное, но все-таки серьезное, если принять во внимание мою неопытность в искусстве войны, и главное — первое, в котором я мог проявить свою инициативу. Кто не знает, что во всяком деле начальные шаги приятнее всех остальных.

Я решил идти не лавой, то есть в ряд, на некотором расстоянии друг от друга, а цепочкой, то есть один за другим. Таким образом, я подвергал меньшей опасности людей и получал возможность скорее сообщить разъезду что-нибудь новое. Разъезд следовал за нами. Мы въехали в деревню и оттуда заметили большую колонну германцев, двигавшуюся верстах в двух от нас. Офицер остановился, чтобы написать донесение, я для очистки совести поехал дальше. Круто загигавшаяся дорога вела к мельнице. Я увидел около нее кучку спокойно стоявших жителей и, зная, что они всегда удирают, предвидя столкновение, в котором может достаться и им шальная пуля, рысью подъехал, чтобы расспросить о немцах. Но едва мы обменялись приветствиями, как они с искаженными лицами бросились врассыпную, и передо мной взвилось облачко пыли, а сзади послышался характерный треск винтовки. Я оглянулся.

.....
..... На той дороге, по которой я только что проехал, куча всадников и пешех в черных, жутко чужого цвета шинелях

изумленно смотрела на меня. Очевидно, меня только что заметили. Они были шагах в тридцати.

Я понял, что на этот раз опасность действительно велика. Дорога к разъезду мне была отрезана, с двух других сторон двигались неприятельские колонны. Оставалось скакать прямо от немцев, но там далеко раскинулось вспаханное поле, по которому нельзя идти галопом, и я десять раз был бы подстрелен, прежде чем вышел бы из сферы огня. Я выбрал среднее и, оглябая врага, помчался перед его фронтом к дороге, по которой ушел наш разъезд. Это была трудная минута моей жизни. Лошадь спотыкалась о мерзлые комья, пули свистели мимо ушей, взрывали землю передо мной и рядом со мной, одна оцарапала луку моего седла. Я не отрываясь смотрел на врагов. Мне были ясно видны их лица, растерянные в момент заряжания, сосредоточенные в момент выстрела. Невысокий пожилой офицер, странно вытянув руку, стрелял в меня из револьвера. Этот звук выделялся каким-то дискантом среди остальных. Два всадника выскочили, чтобы преградить мне дорогу. Я выхватил шашку, они замялись. Может быть, они просто боялись, что их подстрелят их же товарищи.

Все это в ту минуту я запомнил лишь зрительной и слуховой памятью, осознал же это много позже. Тогда я только придерживал лошадь и бормотал молитву Богородице, тут же мною сочиненную и сразу забытую по миновании опасности.

Но вот и конец пахотному полю — и зачем только люди придумали земледелие?! — вот канава, которую я беру почти бессознательно, вот гладкая дорога, по которой я полным карьером догоняю свой разъезд. Позади него, не обращая внимания на пули, сдерживает свою лошадь офицер. Дождавшись меня, он тоже переходит в карьер и говорит со вздохом облегчения: «Ну, слава Богу! Было бы ужасно глупо, если б вас убили». Я вполне с ним согласился.

Остаток дня мы провели на крыше одиноко стоящей халупы, болтая и посматривая в бинокль. Германская колонна, которую мы заметили раньше, попала под шрапнель и повернула обратно. Зато разъезды шныряли по разным направлениям. Порой они сталкивались с нашими, и тогда до нас долетал звук выстрелов. Мы ели вареную картошку, по очереди курили одну и ту же трубку.

IV

1

Немецкое наступление было приостановлено. Надо было расследовать, какие пункты занял неприятель, где он окапывается, где попросту помещает заставы. Для этого высылался ряд разъездов, в состав одного из них вошел и я.

Сереньким утром мы затрусили по большой дороге. Навстречу

нам тянулись целые обозы беженцев. Мужчины оглядывали нас с любопытством и надеждой, дети тянулись к нам, женщины, всхлипывая, причитали: «Ой, паньчи, не езжайте туда, там вас забьют германи».

В одной деревне разезд остановился. Мне с двумя солдатами предстояло проехать дальше и обнаружить неприятеля. Сейчас же за околицей окапывались наши пехотинцы, дальше тянулось поле, над которым рвались шрапнели, там на рассвете был бой и германцы отошли, — дальше чернел небольшой фольварк. Мы рысью направились к нему.

Вправо и влево почти на каждой квадратной сажени валялись трупы немцев. В одну минуту я насчитал их сорок, но их было много больше. Были и раненые. Они как-то внезапно начинали шевелиться, проползали несколько шагов и замирали опять. Один сидел у самого края дороги и, держась за голову, раскачивался и стонал. Мы хотели его подобрать, но решили сделать это на обратном пути.

До фольварка мы доскакали благополучно. Нас никто не обстрелял. Но сейчас же за фольварком услышали удары заступа о мерзлую землю и какой-то незнакомый говор. Мы спешили, и я, держа винтовку в руках, прокрался вперед, чтобы выглянуть из-за угла крайнего сарая. Передо мной возвышался небольшой пригорок, и на хребте его германцы рыли окопы. Видно было, как они останавливаются, чтобы потерять руки и закурить, слышен был сердитый голос унтера или офицера. Влево темнела роща, из-за которой неслась орудийная пальба. Это отсюда обстреливали поле, по которому я только что проехал. Я до сих пор не понимаю, почему германцы не выставили никакого пикета в самом фольварке. Впрочем, на войне бывают и не такие чудеса.

Я все выглядывал из-за угла сарая, сняв фуражку, чтобы меня приняли просто за любопытствующего «вольного», когда почувствовал сзади чье-то легкое прикосновение. Я быстро обернулся. Передо мной стояла неизвестно откуда появившаяся полька с изможденным, скорбным лицом. Она протягивала мне пригоршню мелких, сморщенных яблок: «Возьми, пан солдат, то есть добже, цукерно». Меня каждую минуту могли заметить, обстрелять; пули летели бы и в нее. Понятно, было невозможно отказаться от такого подарка.

Мы выбрались из фольварка. Шрапнель рвалась чаще и чаще и на самой дороге, так что мы решили скакать обратно поодиночке. Я надеялся подобрать раненого немца, но на моих глазах над ним низко, низко разорвался снаряд, и все было кончено.

2

На другой день уже смеркалось и все разбрелись по сеновалам и клетушкам большой усадьбы, когда внезапно было велено собраться нашему взводу. Вызвали охотников идти в ночную пешую разведку, очень опасную, как настаивал офицер.

Человек десять порасторопнее вышли сразу; остальные, потоптавшись, объявили, что они тоже хотят идти и только стыдились напрашиваться. Тогда решили, что взводный назначит охотников. И таким образом были выбраны восемь человек, опять-таки побойчее. В числе их оказался и я.

Мы на конях доехали до гусарского сторожевого охранения. За деревьями спешили, оставили троих коноводами и пошли расспросить гусар, как обстоят дела. Усатый вахмистр, запрятанный в воронке от тяжелого снаряда, рассказал, что из ближайшей деревни несколько раз выходили неприятельские разведчики, крались полем к нашим позициям и он уже два раза стрелял. Мы решили пробраться в эту деревню и, если возможно, забрать какого-нибудь разведчика живьем.

Светила полная луна, но, на наше счастье, она то и дело скрывалась за тучами. Выждав одно из таких затмений, мы, согнувшись, гуськом побежали к деревне, но не по дороге, а в канаве, идущей вдоль нее. У околицы остановились. Отряд должен был оставаться здесь и ждать, двум охотникам предлагалось пройти по деревне и посмотреть, что делается за нею. Пошли я и один запасной унтер-офицер, прежде вежливый служитель в каком-то казенном учреждении, теперь один из храбрейших солдат считающегося боевым эскадрона. Он по одной стороне улицы, я — по другой. По свистку мы должны были возвращаться назад.

Вот я совсем один посреди молчаливой, словно притаившейся деревни, из-за угла одного дома перебегаю к углу следующего. Шагах в пятнадцать вбок мелькает крадущаяся фигура. Это мой товарищ. Из самолюбия я стараюсь идти впереди его, но слишком торопиться все-таки страшно. Мне вспоминается игра в палочку-воровочку, в которую я всегда играю летом в деревне. Там то же затаенное дыхание, то же веселое сознание опасности, то же инстинктивное умение подкрадываться и прятаться. И почти забываешь, что здесь вместо смеющихся глаз хорошенькой девушки, товарища по игре, можешь встретить лишь острый и холодный направленный на тебя штык. Вот и конец деревни. Становится чуть светлее, это луна пробивается сквозь неплотный край тучи; я вижу перед собой невысокие, темные бугорки окопов и сразу запоминаю, словно фотографирую в памяти, их длину и направление. Ведь за этим я сюда и пришел. В ту же минуту передо мной вырисовывается человеческая фигура. Она вглядывается в меня и тихонько свистит каким-то особенным, очевидно условным, свистом. Это враг, столкновение неизбежно.

Во мне лишь одна мысль, живая и могучая, как страсть, как бешенство, как экстаз: я его или он меня! Он нерешительно поднимает винтовку, я знаю, что мне стрелять нельзя, врагов много поблизости, и бросаюсь вперед с опущенным штыком. Мгновение, и передо мной никого. Может быть, враг присел на землю, может быть, отскочил. Я останавливаюсь и начинаю всматриваться. Что-то чернеет. Я при-

ближаюсь и трогаю штыком, — нет, это — бревно. Что-то чернеет опять. Вдруг сбоку от меня раздается необычайно громкий выстрел, и пуля воет обидно близко перед моим лицом. Я оборачиваюсь, в моем распоряжении несколько секунд, пока враг будет менять патрон в магазине винтовки. Но уже из окопов слышится противное харканье выстрелов — тра, тра, тра, — и пули свистят, ноют, визжат.

Я побежал к своему отряду. Особенного страха я не испытывал, я знал, что ночная стрельба недействительна, и мне только хотелось проделать все как можно правильнее и лучше. Поэтому, когда луна осветила поле, я бросился ничком и так отполз в тень домов, там уже идти было почти безопасно. Мой товарищ, унтер-офицер, возвратился одновременно со мной. Он еще не дошел до края деревни, когда началась пальба. Мы вернулись к коням. В одинокой халупе обменялись впечатлениями, поужинали хлебом с салом, офицер написал и отправил донесение, и мы вышли опять посмотреть, нельзя ли что-нибудь устроить. Но, увы! — ночной ветер в клочья изодрал тучи, круглая, красноватая луна опустилась над неприятельскими позициями и слепила нам глаза. Нас было видно как на ладони, мы не видели ничего. Мы готовы были плакать с досады и, назло судьбе, все-таки поползли в сторону неприятеля. Луна могла же опять скрыться или мог же нам встретиться какой-нибудь шальной разведчик! Однако ничего этого не случилось, нас только обстреляли, и мы уползли обратно, проклиная лунные эффекты и осторожность немцев. Все же добытые нами сведения пригодились, нас благодарили, и я получил за эту ночь Георгиевский крест.

3

Следующая неделя выдалась сравнительно тихая. Мы седлали еще в темноте, и по дороге к позиции я любовался каждый день одной и той же мудрой и яркой гибелью утренней звезды на фоне акварельно-нежного рассвета. Днем мы лежали на опушке большого соснового леса и слушали отдаленную пушечную стрельбу. Слегка пригревало бледное солнце, земля была густо устлана мягкими странно пахнущими иглами. Как всегда зимою, я томился по жизни летней природы, и так сладко было, совсем близко вглядываясь в кору деревьев, замечать в ее грубых складках каких-то проворных червячков и микроскопических мушек. Они куда-то спешили, что-то делали, не смотря на то что на дворе стоял декабрь. Жизнь теплилась в лесу, как внутри черной, почти холодной головешки теплится робкий тлеющий огонек. Глядя на нее, я всем существом радостно чувствовал, что сюда опять вернуться большие диковинные птицы и птицы маленькие, но с хрустальными, серебряными и малиновыми голосами, распустятся душно пахнущие цветы, мир вдоволь нальется бур-

ной красотой для торжественного празднования колдовской и священной Ивановой ночи.

Иногда мы оставались в лесу на всю ночь. Тогда, лежа на спине, я часами смотрел на бесчисленные ясные от мороза звезды и забавлялся, соединяя их в воображении золотыми нитями. Сперва это был ряд геометрических чертежей, похожий на развернутый свиток Кабалы. Потом я начинал различать, как на затканном золотом ковре, различные эмблемы, мечи, кресты, чаши в не понятных для меня, но полных нечеловеческого смысла сочетаниях. Наконец явственно вырисовывались небесные звери. Я видел, как Большая Медведица, опустив морду, принюхивается к чьему-то следу, как Скорпион шевелит хвостом, ища, кого ему ужалить. На мгновение меня охватывал невыразимый страх, что они посмотрят вниз и заметят там нашу землю. Ведь тогда она сразу обратится в безобразный кусок матово-белого льда и помчится вне всяких орбит, заражая своим ужасом другие миры. Тут я обыкновенно шепотом просил у соседа махорки, свертывал сигарку и с наслаждением выкуривал ее в руках — курить иначе значило выдать неприятелю наше расположение.

В конце недели нас ждала радость. Нас отвели в резерв армии, и полковой священник совершил богослужение. Идти на него не при нуждали, но во всем полку не было ни одного человека, который бы не пошел. На открытом поле тысяча человек выстроились стройным четырехугольником, в центре его священник в золотой ризе говорил вечные и сладкие слова, служа молебен. Было похоже на полевые молебны о дожде в глухих, далеких русских деревнях. То же необъятное небо вместо купола, те же простые и родные, сосредоточенные лица. Мы хорошо помолились в тот день.

V

1

Было решено выровнять фронт, отойдя верст на тридцать, и кавалерия должна была прикрывать этот отход. Поздно вечером мы приблизились к позиции, и тотчас же со стороны неприятеля на нас опустился и медленно застыл свет прожектора, как взгляд высокомерного человека. Мы отъехали, он, скользя по земле и по деревьям, последовал за нами. Тогда мы галопом описали петли и стали за деревню, а он еще долго тыкался туда и сюда, безнадежно отыскивая нас.

Мой взвод был отправлен к штабу казачьей дивизии, чтобы служить связью между ним и нашей дивизией. Лев Толстой в «Войне и мире» посмеивается над штабными и отдает предпочтение строевым офицерам. Но я не видел ни одного штаба, который уходил бы раньше, чем снаряды начинали рваться над его помещением. Казачий штаб расположился в большом местечке Р. Жители бежали еще нака-

нуне, обоз ушел, пехота тоже, но мы сидели больше суток, слушая медленно надвигающуюся стрельбу, — это казаки задерживали неприятельские цепи. Рослый и широкоплечий полковник каждую минуту подбегал к телефону и весело кричал в трубку: «Так... отлично... задержитесь еще немного... все идет хорошо...» И от этих слов по всем фольваркам, канавам и перелескам, занятым казаками, разливались уверенность и спокойствие, столь необходимые в бою. Молодой начальник дивизии, носитель одной из самых громких фамилий России, по временам выходил на крыльцо послушать пулеметы и улыбался тому, что все идет так, как нужно.

Мы, уланы, беседовали со степенными бородатыми казаками, проявляя при этом ту изысканную любезность, с которой относятся друг к другу кавалеристы разных частей.

К обеду до нас дошел слух, что пять человек нашего эскадрона попали в плен. К вечеру я уже видел одного из этих пленных, остальные высыпались на сеновале. Вот что с ними случилось. Их было шестеро в сторожевом охранении. Двое стояли на часах, четверо сидели в халупе. Ночь была темная и ветренная, враги подкрались к часовому и опрокинули его. Подчасок дал выстрел и бросился к коням, его тоже опрокинули. Сразу человек пятьдесят ворвались во двор и принялись палить в окна дома, где находился наш пикет. Один из наших выскочил и, работая штыком, прорвался к лесу, остальные последовали за ним, но передний упал, запнувшись на пороге, на него попадали и его товарищи. Неприятели, это были австрийцы, обезоружили их и под конвоем тоже пяти человек отправили в штаб. Десять человек оказались одни, без карты, в полной темноте, среди путаницы дорог и тропинок.

По дороге австрийский унтер-офицер на ломаном русском языке все расспрашивал наших, где «кози», то есть казаки. Наши с досадой отмалчивались и наконец объявили, что «кози» именно там, куда их ведут, в стороне неприятельских позиций. Это произвело чрезвычайный эффект. Австрийцы остановились и принялись о чем-то оживленно спорить. Ясно было, что они не знали дороги. Тогда наш унтер-офицер потянул за рукав австрийского и ободрительно сказал: «Ничего, пойдем, я знаю, куда идти». Пошли, медленно загибая в сторону русских позиций.

В белесых сумерках утра среди деревьев мелькнули серые кони — гусарский разъезд. «Вот и кози!» — воскликнул наш унтер, выхватывая у австрийца винтовку. Его товарищи обезоружили остальных. Гусары немало смеялись, когда вооруженные австрийскими винтовками уланы подошли к ним, конвоируя своих только что захваченных пленных. Опять пошли в штаб, но теперь уже русский. По дороге встретился казак. «Ну-ка, дядя, покажи себя», — попросили наши. Тот надвинул на глаза папаху, всклокочил пятерней бороду, взвизгнул и пустил коня вскачь. Долго после этого пришлось ободрять и успокаивать австрийцев.

ДРАМАТУРГИЯ
СТИХОТВОРНЫЕ ДРАМЫ.
НЕОКОНЧЕННОЕ. НАБРОСКИ

ИГРА

Драматическая сцена

Игорный дом в Париже 1813 года.

Граф — претендент на престол Майорки.

Старый роялист.

Каролина }
Берта } девушки легкого поведения.

Толпа играющих.

Граф

Не смейте трогать Каролину,
Сатир проклятый.

Роялист

Ай да граф!
Да вы похожи на картину,
Ахилла позу переняв.

Граф

Молчите! В вас иссякла вера,
И лжив язык, и дух ваш нем,
Вы, друг проклятого Вольтера,
Смеяться рады надо всем.
Не вам любить ее. Вы сгнили,
А я, я верую в мечту...

Роялист

Да, красоту Бурбонских лилий
Я выше лилий Бога чту.
Но ваши дерзкие приказы
Не стоят шпаги острия,
Вы — нищий, я ей дал алмазы,
Она не ваша, а моя.

Граф

Прелестница из всех прелестниц,
Оставь его, я все прошу.

Каролина

Но он мне заплатил за месяц,
И платы я не возвращу.

Граф

Ну, значит, нам осталось биться!
Сегодня ж, сударь, на дуэль.

Роялист

Я слишком стар, мой храбрый рыцарь,
И отклоняю ваш картель.
Но, вижу, вы склонны к азарту,
И, чтоб увидеть, чья возьмет,
Поставим счастье на карту,
Когда позволит банкومت.
Я дам вам ставкой Каролину,
Посмейте молвить, что я скуп,
А вы — хотя бы половину
Цены ее прекрасных губ.

Граф

Идет! Я ставлю трон Майорки
И мною собранную рать,
С которой, словно коршун зоркий,
Я царство б мог завоевать.
Как будет странно, страшно, сладко
К столу зеленому припасть
И знать, что эта вот десятка
Мне даст любовь иль вырвет власть.

Каролина

Скажите, вы такой богатый?
Тогда я рада слушать вас...

Граф

Увы, отцовский меч и латы —
Все, что имею я сейчас.

Р о я л и с т

Ага, трудна дорога к раю!
 Ну, будет, если вы не трус,
 Молчите все, я начинаю.
 (*Мечет карты.*)
 Девятка, тройка, двойка, туз.

Б е р т а

О, что ты делаешь, несчастный?
 Как исполняешь свой обет?

Р о я л и с т

Восьмерка, дама и валет.

Б е р т а

Как рог побед, как вестник чуда,
 Ты быть обязан... О, позволь
 Мне увести тебя отсюда...

Р о я л и с т

Король, валет, опять король.

Б е р т а

Бежим скорей, бежим со мною
 Туда, где, голову подняв,
 Орел кричит привет герою...

Р о я л и с т

Десятка ваша бита, граф.

Граф хватается за голову.

К а р о л и н а

Я этого не ожидала,
 Так проиграть! какой позор!
 О чем она ему шептала,
 Орел и светоч, что за вздор?

Р о я л и с т

Ну полно, юноша, оправьтесь,
 Ваш лоб в поту, ваш взор померк,

Вы завтра ж будете заправский
В дому нотариуса клерк,
Легко зачесывать височки,
Крестьянам письма сочинять,
Глазеть в окно хозяйской дочки,
Когда она ложится спать,
Писать стихи и на кларнете
Играть — завиднейший удел...

Граф выхватывает пистолет и стреляется.

Б е р т а

А, вот он в огнезарном свете!
Он все нашел, о чем скорбел!

АКТЕОН

Одноактная пьеса в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кадм, царь, строитель Фив.

Эхион, его слуга и друг.

Актеон, сын Кадма.

Агава, жена Эхиона.

Диана.

Крокале, Ранис, Хиале, нимфы Дианы.

Трое юношей, спутники Актеона.

Три пса, преследующие Актеона.

Место действия — долина Гаргафии, покрытая темным кипарисовым лесом.
В глубине — пещера аркой. Направо — светлый источник бежит по зеленой лужайке. Наступает вечер.

Входят Кадм и Эхион.

Кадм

Сюда, Эхион, налево! Здесь
Вчера я выломал камень,
Выломал, но не весь,
Он был опутан корнями.
До ночи я не управился — стар!
Холодно было и сыро,
С единорогом лягался кентавр,
Блеяли в чаше сатиры.
А ты все силен, драконий зуб,
Силен, как прежде, счастливый.
С тобою донесу я упрямый уступ
В наши юные Фивы.

Начинают ворочать камень.

Где же Агава?

Эхион

Жена?

К а д м

Да.

Э х и о н

Черные руки ломает дриадам.

К а д м

Рубит деревья?

Э х и о н

Рубит.

К а д м

Для храма?

Э х и о н

Для храма.

К а д м

(насмешливо)

А храм кому, мой старый дракон?

Э х и о н

Тебе, господин.

К а д м

(со смехом)

Нет.

Э х и о н

Ну, так не знаю.

К а д м

Нам не выломать камня.

Э х и о н

Выломать... с песней.

К а д м

(поет, выворачивая камень)

Отдай мне глыбу, земля! земля!
 Я внесу ее к небу, земля! земля!
 И она будет в храме, земля! земля!
 Бога чествовать с нами, земля! земля!
 Я сказал, ты исполни, слышишь, земля?
 Иль испробуешь молний Зевса, земля!
 Туша проклятая, кит глухой,
 Баба упрямая, ты не хочешь, земля?

Э х и о н

(поет тотчас вслед за Кадмом)

Белая кровь дракона, черное тело.
 Господин приказал приняться за дело.
 Зубы дракона, нас было много,
 Мы дрались долго, и убито много,
 Живые — люди, мертвые — камни.
 Мы больше не будем драться.
 Земля, помоги мне
 Приподнять брата.

Камень поддастся; работающие отирают пот и садятся отдыхать; входит А г а в а.

А г а в а

Здрасьте, мужчины.

Э х и о н

Здравствуй, жена.

К а д м

Женщина, здравствуй.

А г а в а

Где же

Мальчики? Актеон
 Или Пентей?

К а д м

Их нет.

А г а в а
(насмешливо)

Всё те же.
Значит, на рынке Пентей
Дуракам диктует законы,
Значит, гоняют зверей
В долине псы Актеона.
А вам, старикам, — ничего
Как только ломать эту гору!
Для вас дороже всего
Еще не построенный город.

К а д м
(с важностью)

Ты, женщина, нас не поймешь.

А г а в а

Может быть!
Но только и я целый день как в угаре.
(Таинственно.)
Чтоб мальчикам было где время убить,
Построила я лупанарий.

А к т е о н
(кричит за сценой)

Сюда, товарищи, за этой чашей
Звучат людские голоса,
Они врываються все чаще, чаще
В темно-дремучие мои леса.
О, я непрошеным носы отрежу,
Чтоб не распугивали дичь.
Скорей, товарищи, хватай...
(Входя, замечает присутствующих.)
Я брежу.
Отец, простишь мне мой дерзкий клич?

К а д м
(недовольно)

Как, ты, Актеон? Но сегодня тебя я
Поставил следить за прокладкой канала,
А ты все оставил, медведя гоняя.
Рабов разбежалось, должно быть, немало.

Актеон
(со смущением)

Отец, я виновен.

Кадм
(к нему и к вошедшим юношам)

Ну, полно, к работе!
Болтать будем после мы. Этот камень
На площадь Судилища вы снесете,
(насмешливо)
Даже вашими белыми руками.

Актеон
(подходя к камню)

О боги, он грязен!

Эхион

Лягушка грязнее!

Актеон

И как он тяжел!

Агава

Мог бы быть тяжелее.

Актеон
(вопросительно)

Отец?

Кадм

Замолчи, он для храма.
Я вижу, как встанет он гордо и прямо.

Актеон

Нет, я его не понесу.
Довольно, лопнуло терпенье.
Я для охоты здесь в лесу,
Не перетаскивать камня.

К а д м
(спокойно)

Не хочешь?

А к т е о н
Нет.

К а д м
(еще спокойнее)

Так будь счастлив,
Как травы, может быть, как звери.
(С внезапной торжественностью.)
Но дух твой не создан по образу Фив,
Семибашенных, белых будущих Фив,
И к богам тебе заперты двери!

Э х и о н
(Актеону)

Дитя, я многого не понимаю,
Но слушай, когда говорит господин...
...А я тебе рыжего львенка поймаю
В пещере, которую знаю один.

А г а в а
(Актеону, с другой стороны)

Скорее, ведь камень совсем не тяжелый,
Его бы, пожалуй, одна я снесла.
Тащи его в город... а город веселый,
Сирийских танцовщиц я там припасла.

Актеон отрицательно качает головой.

К а д м
(резко Эхиону, указывая на камень)

Берись!

Э х и о н
(покорно, наклоняясь)

Беруть.

А к т е о н

Отец, прости,
Мне грустно, что такой ты сирый,

Но руки должен я блюсти
Для лука, девушек и лиры.
И разве надобен богам,
В их радостях разнообразных,
Тобою выстроенный храм
Из плит уродливых и грязных?!
За темной тучею Зевес
Блаженство вечное находит.
И громы, падая с небес,
На небо никогда не всходят.
Золотокудрый Аполлон
Блестит, великолепно юный,
Но им не плуг изобретен,
А звонко плачущие струны.
А Геба розовая, Пан,
А синеглазая Паллада,
Они не любят наших стран,
И ничего им здесь не надо.
А если надо, то — родник,
Лепечущий темно и странно,
Павлина — Гебе и тростник,
Чтоб флейту вырезать — для Пана.
Поверь, их знает только тот,
Кто знает лес, лучей отливы,
И бог вовеки не сойдет
В твои безрадостные Фивы.

Кадм, Эхион и Агава с трудом выносят камень.

Первый юноша

Вот здорово.

Второй юноша

Им так и надо.

Третий юноша

Какой ты умный, Актеон!
Так говорить — одна отрада.
Как жаль, что я не обучен.

Актеон

Идите, товарищи, в этот вечер
Мне хочется быть одному.

Мы славно охотились; до новой встречи!

Постойте, я вас обниму.

(Обнимает их поочередно.)

Первый юноша

Спать завалюсь.

Второй юноша

Напьюсь.

Третий юноша

Вот ловко:

И спать и пить — равно уныло.

(Таинственно.)

Агава, старая чертовка,

Здесь про танцовщиц говорила.

Актеон

(слегка хмурясь)

Идите же.

Юноши уходят. Актеон один.

Как хорошо вокруг!

Так синевато-бледен теплый воздух,

Так чудно-неожидан каждый звук,

Как будто он рождается на звездах.

Луна стоит безмолвно в вышине,

Исполнена девической тревоги,

И в голубой полощутся волне

Серебряные, маленькие ноги.

Я вижу чуть открытый красный рот,

Мученье наше и отраду нашу,

И розовые груди... А живот

Похож на опрокинутую чашу.

Ни облачка... Она совсем одна

И кажется такую беззащитной,

Что отрок пробуждается от сна,

Неопытный еще, но любопытный.

Я лягу здесь, под этот мудрый вяз,

Ведь хоть молчит, но знает он о многом.

Я буду спать, не закрывая глаз,

И, может быть, проснусь наутро богом.

(Ложится.)

За сценой слышно, как перекликаются серебряные голоса охотящихся девушек.

Г о л о с а о х о т н и ц

Аллали,
Аллали,
Кто вдали?
Это лань.
Аллали,
Аллали,

Стрелой повали,
На горло стань.
Аллали,
Аллали,
Псы повели,
Бежит, бежит...
...Теперь лежит,
Аллали,
В пыли.

Входит Диана в costume охотницы; за нею нимфы.

К р о к а л е

Кто всех усталей?

Р а н и с

Хиале.

Х и а л е
(обиженно)

А косы у кого расплелись?

К р о к а л е
(со смехом)

У Ранис.

Р а н и с

Ну да, но я первой увидела лань.

Х и а л е

А я повернула ее у платана,
О, если б не я, то она...

Крокале

Перестань!
Открыла, настигла, убила Диана.

Диана
(медленно, скандируя)

Время нам ноги омыть, расстегните ремни у сандалий,
Сбросьте легкую ткань с ваших измученных плеч.

Девушки начинают раздеваться.

Всех ты искусней, Ранис; распусти мне, пожалуйста, косы,
Простоволосой, как ты, в чистый войду я ручей.

Девушки помогают ей раздеваться и болтают между собой.

Ранис

Я встретила Ио, бедняжка!
Бежит, а оса над ней.

Крокале

Быть Зевсом любимой — тяжело.

Хиале
(со вздохом)

А Марсом — еще тяжелей.

Ранис
(недоверчиво)

Как, Марс тебя любит?

Хиале

В трушобы
За мной он зашел далеко.

Ранис и Крокале
(с интересом)

Настиг?

Хиале
(скромно)

Нет, конечно.

Крокале

Еще бы,
Сознаться всем нелегко.

В это время Актеон поднимается, протягивает руки к Диане и говорит восторженно, как в бреду.

Актеон

Я знал, что она придет,
Я знал, что я тоже бог,
И мне лишь губ этих мед,
Иного я пить не мог.
И мне снега этих рук,
Алмазы светлых очей,
И мне этот сладкий звук
Ее неспешных речей.
Отец мой не смертный... Мать,
Наверно, любил Зевес,
И сыну решил он дать
Женой усладу небес.
Большие звезды горят,
Земная печаль — как дым,
Я знаю, я стал крылат,
Мой лук, он стал золотым.

*(Поднимает свой лук, тот ломается и падает с сухим треском.
Актеон смотрит на него с удивлением.)*

Крокале

Подруги, человек!

Ранис

Скорей,
Стеною станем вокруг богини
И бедной наготой своей
Прикроем вечные святыни.

Крокале

Дерзкий!

Хиале

Я изнемогаю,
От стыда горя...
Кто это?

Р а н и с

Его я знаю,
Кадма сын, царя.

Д и а н а

Нет, ты ошиблась, Ранис, то не сын благородного Кадма,
Смертный не может зреть светлой моей наготы.

(К Актеону.)

Будь, чем ты должен быть!

Актеон откидывается, и, когда выпрямляется, видно, что у него голова оленя.

Упокойтесь, смотрите, подруги,
Это — добыча стрелы, это — пугливый олень,
(Исчезает вместе с нимфами.)

А к т е о н

(один, озирается чутко и неловко)

Кажется, здесь были люди.
А какая вкусная трава,
Какая холодная вода,
Мне хочется здесь пастись.
Но что я говорю?
Я человек, я Актеон...
Нет, я олень, только олень,
Иль это сонные чары?

Появляются странные существа с собачьими головами. Актеон мечется в ужасе,
они набегают на него.

П е р в ы й

(вкрадчиво и зловеще)

Ты помнишь пламенные губы,
Перед тобой они, гляди,
Прильни, целуй, кусай их грубо...

А к т е о н

О, пощади, о, пощади!

В т о р о й

(так же)

Ты помнишь грудь, как плод созрелый,
Перед тобой она, гляди,
Сожми ее рукою смелой...

Актеон

О, пощади, о, пощади!

Третий

(так же)

Ты помнишь ослабевший пояс,
Перед тобою он, гляди,
Сорви его, не беспокоясь...

Актеон

О, пощади, о, пощади!

Все трое

(вместе)

Беги, сок жил твоих отравлен,
Но ты склоняешься, дрожишь,
Ты нашей воле предоставлен
И никуда не убежишь.

Актеон мечется еще немного, потом падает, остальные разбегаются. Немного
погода входят Эхион и Агава.

Агава

(зовет)

Сыночек, сыночек, иди с нами,
В доме тепло, а здесь сыро.

(Замечает лежащего, наклоняется к нему и отшатывается.)

А сыночек-то в шерсти и с рогами,
Хуже самого последнего сатира.

Занавес

ПЕРЕВОДЫ

АБИССИНСКИЕ ПЕСНИ

1

Приветствую Деву Марию,
Чистой, как голубь, она создана
И милосердной.

Приветствую снова и снова
Мать Бога Младенца,
Сотворившего небо и землю.

Благодарю Тебя, Светлая,
Слово Непреложное, Вера Неразрушимая,
Которой служат пять тысяч ангелов.

2

Смерти не миновать: был император Аба-Данья,
Но у леопарда болят глаза,
Он не выходит из логовища.

Лошадь Аба-Даньи не сделалась бы трусливой!
Трусливая лошадь тени боится,
Начиная со слона и кончая жирафом.

Кому завещал он держать свой щит?
Пока еще он грозит,
Но люди держат его лишь по привычке.

А ты, Ягато Маконен, где ты теперь?
Шелковые шаровары и зонтик из шелка
Даны были только харрарскому негусу.

Но и он навсегда заснул в Кулюби.

3

Этой ночью мне снилась кошка,
Которая рождала котят.

Но мне говорят и правдиво, неложно,
Что все живые умрут.

«Когда придет твой несчастный день,
Как ты его проведешь?» — спросили меня.

До сих пор я не знал ничего плохого,
Но что будет дальше, не знаю.

Днем и ночью думы — мои товарищи.

4

Менелик сказал: «Седлающих мулов и коней,
Чтобы следовать за мною,
И остающихся в доме моем люблю.
Пусть живут подобно Аврааму,
Не хочу, чтобы они умирали».

Авраам был хорошим человеком,
Пятьсот лет проведенным в палатке.
Да живет и наш негус, как Авраам!
Ведь и звери любят своего старшего.

Харраритов, амгарцев, арабов,
Сомали, галла, шангале —
Всех собрала сила нашего отца Менелика.

5

Нападающий воин крепок как столб,
Он накалывает людей на копье, как четки.
Когда он трогает лошадь, трусые бегут.
С ним никто не поспорит, он — как гора.
Всё, что возможно собрать человеку, он собрал,
Потому что ниже неба и выше земли
Судья всем — Менелик.
Он сказал: «Делай как приказано!»
Пришла битва, и был приказ
Всем стоять у императорского зонтика.
Но не все послушались, одни ушли влево.
Это были Тафаса Абайнех и Габая Гора.
Надавили на нас враги,
Сделали день как ярмарку,
Даже жен и матерей мы забыли.
Братья, скорей приходите!

6

Самое высшее счастье смотреть,
Как люди косят и грузят.
Если лошадь бежит по дороге
Иль проходит по ней человек,
Поднимается пыль.
И во время сражения первым
Герой наносит удар.
А я заблудился в пустыне и кричу и взываю,
Вкруг меня ничего, кроме жары.
И ведь я не простой человек,
Вождь Дамоти Берты
Был мне отцом.

Эту песню спел я, вождь уламосов,
Убивший слона и льва.

7

В ружье негуса
И в пищали его — огонь.
Ты молчишь, гордая?
Гордой женщине — палка.

«Ямоти, начальник Губбы, корми свою
рыжую лошадь», —
Сказал отец Аррада.
Черная женщина для смуглого —
Как апельсин, варенный в меду.

Бальча продал землю людям Дераса,
Ягована сильнее всех, кто жил до него.
Вместе пойдем прямой дорогой в Сидамо,
Если хочешь меня любить.

Река Борода, мы слышали, стала полной,
Фитаурари Гаваю, мы слышали, умер.
Я смеялся зубами, не сердцем,
У меня живого отрезали душу.

Удаджи давал причастие за причастием,
Но Ягована умер.
Прощай, девушка, ты отпустила волосы до спины,
Твой пробор всё длиннее и длиннее.

8

Как люди, увидя Лидж Йассу, трепещут,
Как дрожат, издали завидя Тафари,
Как рас Маконен не любит женщин,
Как Аба-Мулат секрет сохраняет,
Как рас Тасама секрет любит,
Как Стефанос любит резать руки,
Так же сильно и я хочу тебя убить.

9

Хой, хой, Аба-Мулат Хайле Георгис
Принимает по четвергам и пятницам,
Его слуги носят золотые ожерелья.

Европейское письмо доходит по проволоке,
Как во сне, без помощи посланного.

Я больна любовью и знаю моего врага:
Он из Тодога Мальна перескочил в Дире-Дауа.

«Мы будем пить кофе с моим земляком,
Я сам такой и мой чин большой,
Но чесотка мешает мне спать с тобой».

Но хотя бы ты был таким же быстрым,
Как европейская железная дорога, что никогда не устает,
Я всегда буду видеть тебя в мечтах.

Хочу быть монахиней, дайте мне клубук!
Тебя я не могу добыть,
А других мужчин не хочу.

10

Убивающего леопардов выше убивший слона,
Человек льва отрезает ему хвост, как колокольчик.

В высокой траве Аргайо лев оставил след и ушел,
Я презираю бездельника и, шутя, пошел за ним.

На высокой вершине Абонера он оставил след и ушел,
Я презираю бездельника и, шутя, пошел за ним.

Он показывает клыки, точно смеется,
Он машет хвостом, точно грозит копьём,
Теперь я вижу: он разъярен.

11

Хуме и Дагоме сообща владеют камнем мира,
Джарсо и Коле сообща владеют камнем мира,
Чорра не хочет мира, Ала не дружит с ними.

Война, война, начальник! Моя мать не могла заснуть,
Моя сестра не снимала пояса.

Я не хочу начальника, кроме Габре,
Я не хочу начальника сильнее Набро,
Для дневной войны я не хочу никого, кроме богатыря Банти.

Сыну ангела, не носящему рубашки,
Не следует входить в дом черных харраритов.

Люди, что не смеют зачерпнуть воды в Назеро,
Те, что слепы и безноги, пусть идут собирать дрова.

Боязливый первым уходит в горы,
Подлый влезает на деревья.

Но сильный разбивает головы, как тыквы,
Его мать умеет рождать.

Война дневная, война с говорящими;
Сомалиец Робле был очень силён, и мать Робле, сомалийка,
Плачет на рассвете очень сильно.

Кровь мусульман не пьет земля, не надо ее проливать;
Если я бросаю копье, то попадаю, если иду на войну, не боюсь.

12

Шавелó прекрасное место, где растет тростник,
Я знаю, как скачет моя лошадь Многоахо,
Я знаю много пастбищ на вершинах гор.
Гурезо — река без воды,
Маканне — как вода с молоком,
По ту сторону Джигджила нет воды,
Но в пестрой Илихо много струй,
Я их не пил, целовал.

ПРИМЕЧАНИЯ

Напечатанные здесь песни собраны мной в течение трех моих путешествий в Абиссинию и переданы по возможности буквально. Ни одно еще, насколько мне известно, не было переведено на европейские языки. Свежесть чувства, неожиданность поворотов мысли и подлинность

положений делает их ценными независимо от экзотичности их происхождения. Их примитивизм крайне поучителен наряду с европейскими попытками в том же роде.

2 стих. Аба - Данья, собственно господин Данья (название лошади), — прозвище Менелика, пролежавшего последние годы своей жизни в параличе; Ягато Маконен — губернатор Харрара, второй по значению после негуса; шелковые шаровары и зонтик — высшие знаки отличия.

4 стих. В конце перечисление племен, завоеванных абиссинцами.

5 стих. В конце рассказан эпизод из итальяно-абиссинской войны.

7 стих. Галлаская песня. В ней чередуются две темы: политического затруднения, кончающегося войной, и отвергаемой любви. Любопытно сравнить с малайскими пантумами. Возможно даже влияние при посредстве мадагаскарских малгашей, у которых тоже встречаются упрощенные пантумы.

8 и 9 стих. Женские. Лидж йассу — наследник престола. Тафари — его близкий родственник. Рас Маконен, Аба-Мулати и рас Тасама — виднейшие вельможи. Стефанос — верховный судья; за воровство в Абиссинии отрубают руку. Хочу тебя убить означает высшее напряжение чувственной любви. Во втором: Годога Мальна и Дире-Дауа — города. Упоминание о чесотке — предлог со стороны мужчины отклонить любовь.

10 и 11 и 12 стих. Галлаские песни. Первая — охотничья. Аргайо и Абонер — местности. Вторая — военная. Хуме, Дагоме и пр. — галлаские и харраритские племена. Я не хочу начальника... — обычная форма лести. Сыну ангела, т. е. галласу. Назеро — неприятельская река. В третьей: Джигдила — город на границе сомалийской пустыни.

Из английских народных баллад

РОБИН ГУД И ГАЙ ГИСБОРН

Когда леса блестят в росе
И длинен каждый лист,
Так весело бродить в лесу
И слушать птичий свист!

Щебечет дрозд, найдя себе
Среди ветвей приют,
Так громко, что во своем лесу
Проснулся Робин Гуд.

«Клянусь, — он весело сказал,
— Мне снился славный бой;
Мне снились сильных два стрелка,
Дерущихся со мной.

Они осилили меня
И отняли мой лук.
Не будь я Робин здесь в лесу,
Коль пошажу их двух».

Джон Маленький сказал на то:
«Как быстрый ветер — сон;
Как ветер, что сегодня дул,
А завтра, где же он?»

«Скорей, веселые друзья,
Будь, Джон, и ты готов;
Иду в зеленые леса
Искать моих стрелков».

Оделись, не забыл никто
Колчан и стрелы взять,
И прочь, в зеленые леса,
Отправились стрелять.

Пришли они в зеленый лес,
На старый их лужок
И увидали, что стоит
Под деревом стрелок.

Кинжал и меч он на боку
Потрагивал своим.
Был в шкуру конскую одет
И с гривой и хвостом.

И Джон промолвил: «Господин,
Под деревом постой,
А я один пойду к стрелку
Узнать, кто он такой».

«Ты, Джон, совсем не кладом стал,
И грусть меня берет,
Как часто, отставая сам,
Я шлю людей вперед.

Плута не хитрость узнавать,
Беседуя с плутом.
И если б мой не треснул лук,
Покаялся б ты в том».

Решили так и разошлись
И Робин Гуд и Джон.

Джон в Бернисдель пошел, куда
Все тропы знает он.

Когда ж пришел он в Бернисдель,
Был вздох его тяжел,
Он двух товарищей своих
Убитыми нашел.

А Скарлет убежал пешком
Среди камней и пней,
Его преследовал шериф
Со стражею своей.

«Пушу стрелу я, — молвил Джон, —
Христос дает мне знак,
Шерифа я остановлю,
Чтоб не спешил он так».

И тотчас наложил стрелу
На лук свой длинный Джон,
Но был из тонкой ветки лук,
Переломился он.

«Зачем, зачем ты, злая ветвь,
На дереве росла?
Ты мне не помощь принесла,
А столько, столько зла».

Но выстрел, хоть случайным был,
Все ж даром не пропал,
Среди шерифовых людей
Вильям из Трента пал.

О, лучше б дома был Вильям,
Печалью удручен,
Чем в это утро повстречать
Стрелу, что бросил Джон.

Но уверяют, что в бою
Пять стоит больше трех.
Джон Маленький шерифом взят
И, связан, лег на мох.

Довольно занимал нас Джон.
Что ж делал Робин Гуд,
Когда к могучему стрелку
Стопы его ведут?

Промолвил Робин: «Добрый день!»
«Привет!» — сказал другой.
«Судя по луку твоему,
Стрелок ты неплохой».

«Свободен я, — сказал стрелок, —
Во времени моем!»
Ответил Робин: «Буду я
Твоим проводником».

«Я здесь изгнанника ищу,
Чье имя Робин Гуд.
Желанней встретить мне его,
Чем золотой сосуд».

«Ты встретишь Робина, стрелок,
Когда пойдешь со мной;
В зеленой роще мы сперва
Потешимся игрой.

Сперва покажем ловкость мы,
Избрав вот эту вещь.
И встретится нам Робин Гуд,
Быть может, скоро здесь».

Они нарезали кустов
В лесу, где вился хмель.
И наплели из них крестов,
Стрелять желая в цель.

«Начни же, — молвил Робин Гуд, —
Начни, товарищ мой!»
«О, нет, клянусь, — ответил тот, —
Я стану за тобой».

И первый выстрел Гуда в цель
Был мимо на вершок;
Хоть ловок незнакомец был,
Но так стрелять не мог.

Своей второй стрелой стрелок
Слегка царапнул хмель,
Но Робин выпустил стрелу
И расщепляет цель.

Сказал он: «Бог тебя храни,
Стрелял ты славно тут,

И если сердце, как рука,
Тебя не лучше Гуд».

«Скажи ты имя мне свое?» —
Стрелок спросил его.
«Нет, — Робин отвечал, — пока
Не скажешь своего».

Тот молвил: «Я живу в горах,
Чтоб Робина поймать,
И кличут Гай Гисборн, когда
Хотят меня позвать».

«Живу в лесу я, — был ответ, —
Давно тебя дразня,
Я Бернисдельский Робин Гуд,
И ты искал меня».

Безродный каждый видеть мог
Усладу для очей:
Смотреть на бьющихся стрелков,
На темный блеск мечей.

На то, как бились те стрелки,
Мог два часа взирать;
Ни Робин Гуд, ни Гай Гисборн
Не думали бежать.

Но спотыкнулся Робин Гуд
О маленький пенек,
Со страшной силой Гай Гисборн
Его ударил в бок.

«Спаси меня, — воскликнул Гуд, —
Спаси, Христова Мать.
Не подобает никому
До срока умирать».

Воззвал к Марии Робин Гуд
И вновь исполнен сил,
И, сзади нанеся удар,
Он Гая уложил.

Схватил он голову врага,
Воткнул на длинный лук:
«Ты был изменником всю жизнь
И кончил быть им вдруг».

И Робин взял ирландский нож,
Лицо изрезал он;

Один узнал бы Гая, кто
Не женщиной рожден.

И молвил: «Ну, лежи, сэр Гай,
Своей судьбе будь рад;
За злой удар моей руки
Возьмешь ты мой наряд».

Он свой надел на Гая плащ,
Что зеленой листвы;
Сам конской шкурой облечен
От ног до головы.

«Твой лук, и стрелы, и трубу
Возьму с собой я вдаль,
Я навестить моих людей
Отправлюсь в Бернисдаль».

И в путь пустился Робин Гуд,
В рог Гая затрубив;
Над Джоном Маленьким склонясь,
Услышал звук шериф.

«Послушайте, — сказал шериф,
— Свершился правый суд.
Рог Гая трубит потому,
Что умер Робин Гуд.

Сегодня рано загремел
Сэр Гай Гисборна рог».
А вот и в шкуре конской сам
Подходит к ним стрелок.

«Проси, чего ты хочешь, Гай,
Я все тебе дать рад».

«Не нужно, — Робин отвечал,
— Мне никаких наград.

Повержен мною господин.
Позволь убить слугу;
И никаких других наград
Просить я не могу».

«Безумец, — отвечал шериф,
— Ты б мог богатым стать.
Но раз так мало просишь ты,
Могу ль я отказать?»

Услышал господина Джон
И понял — час настал.

«С Христовой силой в небесах
Свободен я», — сказал.

Вот к Джону, развязать его,
Нагнулся Робин Гуд,
Но только стража и шериф
Опять его возьмут.

«Ступайте, — молвил Робин Гуд, —
Подальше от глаз,
Ведь исповедь подслушивать
Не принято у нас».

Взял Робин свой ирландский нож,
Разрезал путы рук
И ног, а после Джону дал,
Как дар, сэра Гая лук.

Джон поднял лук и наложил
Стрелу на рукоять,
И это увидал шериф
И бросился бежать.

Бежал обратно в Ноттингам,
Как только мог, шериф,
И стража бросилась за ним,
Его опередив.

Но как он быстро ни бежал
И как ни прыгал он,
Стрелой в спину угодил
Ему веселый Джон.

ПОСЕЩЕНИЕ РОБИН ГУДОМ НОТТИНГАМА

Был мальчик Робин Гуд высок,
Дерри, дерри даун,
Уже в пятнадцать лет,
Из тех веселых молодцов,
Смелей которых нет.
Хей, даун, дерри, дерри даун.

Собрался раз он в Ноттингам,
Идет в лесу, и вот
Пред ним пятнадцать лесников
Пьют пиво, эль и мед.

«Что нового?» — спросил их Гуд.
— «Что знал ты до сих пор?
Король устроил спор стрелков».
— «Пойду и я на спор».

«Смешно, — сказали лесники, —
Такой мальчишка вдруг
Пойдет стрелять пред королем,
Взять не умея лук!»

«На двадцать марок, — Робин Гуд
Ответил, — спорь со мной,
И на сто сажень попаду
В оленя я стрелой».

«Идет, — сказали лесники, —
И спорим мы с тобой,
Что на сто сажень не попасть
Тебе в него стрелой».

И поднял Робин честный лук
С широкою стрелой,
И на сто сажень уложил
Оленя в тьме лесной.

Сломал ему он два ребра,
А может быть, и три,
Стрела пронзила грудь насквозь,
И не застряв внутри.

Олень вскочил, олень застыл,
Олень упал в кусты.
«Я выиграл, — воскликнул Гуд, —
Платите мне фунты».

«Ну, нет, — сказали лесники, —
Твой выигрыш пропал,
Бери твой лук и уходи,
Пока не опоздал».

И Робин стрелы взял свои,
И взял свой честный лук,
И улыбнулся про себя,
Войдя в широкий луг.

Вот стал он стрелы приставлять
К звенящей тетиве,

И из пятнадцати врагов
Четырнадцать — в траве.

Тот, кто затеял этот спор,
Собрался убежать,
Но Робин Гуд, подняв свой лук,
Вернул его опять

И молвил: «Вновь не скажешь ты,
Что я стрелок плохой!»
И голову ему разбил
Он надвое стрелой.

«Такой стрелок я, — молвил Гуд, —
Что сделал ваших вдов
Мечтающими, чтобы вы
Тех не сказали слов».

Народ бежит, оставив свой
Прекрасный Ноттингам,
Чтоб Робин Гуда захватить,
На помощь лесникам.

Один остался без руки
И без ноги другой,
А Робин, взяв свой лук, ушел
В зеленый лес густой.

А ноттингамцы лесников,
Как знают все о том,
Могилы вырыв, погребли
На кладбище потом.

Из Франсуа Вийона

БАЛЛАДА «О ДАМАХ ПРОШЛЫХ ВРЕМЕН»

Скажите, где, в какой стране,
Прекрасная римлянка Флора,
Архипиада... где она,
Те сестры прелестью убора;
Где Эхо, гулом разговора
Тревожащая лоно рек,
Чье сердце билось слишком скоро?
Но где же прошлогодний снег!

И Элоиза где, вдвойне
Разумная в теченьи спора?
Служа ей, Абеляр вполне
Познал любовь и боль позора.
Где королева, для которой
Лишили Буридана нег
И в Сену бросили, как вора?
Но где же прошлогодний снег!

Где Бланш, лилея по весне,
Что пела нежно, как Аврора;
Алиса... О, скажите мне,
Где дамы Мэна иль Бигорра?
Где Жанна, воин без укора,
В Руане кончившая век?
О Дева Горного Собора!..
Но где же прошлогодний снег!

П о с ы л к а

О принц, с бегущим веком ссора
Напрасна: жалок человек;
И пусть вам не туманит взора:
«Но где же прошлогодний снег!»

Из Уильяма Шекспира

СОНЕТ XVII

Моим поэмам кто б поверить мог,
Коль Ваших качеств дал я в них картину?
Они — гроб Вашей жизни, знает Бог,
Их смогут передать лишь вполовину.

И опиши я Ваших взоров свет
И перечисли всё, что в Вас прелестно,
Грядущий век решил бы: «Лжет поэт,
То лик не человека, а небесный».

Он осмеел бы ветхие листы,
Как старцев, что болтливей, чем умнее.
Он эту правду счел бы за мечты
Иль старой песни вольные затеи.

Но будь у Вас ребенок в веке том,
Вы жили б дважды — и в стихах, и в нем.

Олег Алякринский

ФЛАМИНГО В ЛАЗУРИ

В одном из ранних стихотворений Николай Гумилев так отозвался о своих эстетических вкусах и пристрастиях:

Сады моей души всегда узорны,
В них ветры так свежи и тиховойны,
В них золотой песок и мрамор черный,
Глубокие, прозрачные бассейны.

Растенья в них, как сны, необычайны,
Как воды утром, розовеют птицы,
И — кто поймет намек старинной тайны? —
В них девушка в венке великой жрицы.

<...>

У ног ее две черные пантеры
С отливом металлическим на шкуре.
Взлетев от роз таинственной пещеры,
Ее фламинго плавает в лазури...

В этих строках емко сформулирована квинтэссенция мироощущения Гумилева.

Говоря коротко, основную, доминирующую черту его творчества можно определить понятием *экзотика*. Причем экзотика в самом широком, можно сказать, универсальном, смысле: историческом, географическом, зоологическом, ботаническом... С первых шагов в литературе Гумилева всегда влекли необычные, загадочные, удивительные страны и материки, эпохи и персонажи. Вот почему он на протяжении многих лет, от сборника к сборнику, вновь и вновь возвращается к африканским, или скандинавским, или китайским сюжетам, к темам войны, охоты и опасных путешествий, к мифологическим героям и легендарным сильным личностям — от хитроумного Одиссея и Дон Жуана, чья мечта «надменна и проста», до конквистадоров «в панцире железном» и отважных капитанов «с ликом Каина»...

Именно тягой к экзотике объясняется его пристрастие к ситуациям, как говорится, пограничным, когда приходится балансировать на опасном рубеже между жизнью и смертью, добром и злом, раем и

адам, Богом и дьяволом, когда, как писал он в одном из стихотворений, приходится вести страшную игру в прятки «со смертью хмурой»...

Но вместе с тем только экзотикой Гумилев отнюдь не исчерпывается. Скорее, его неполные полтора десятилетия жизни в искусстве показывают, как он, по мере литературного взросления и мужания, стремился преодолевать экзотику — так, как его собратья по цеху акмеистов, по выражению критика Жирмунского, «преодолевали символизм». Творческий путь Гумилева — это попытка возвращения из окутанных чарующей дымкой и благоуханным дурманом таинственных далей в овеванную пороховым дымом и смрадом крови жестокою будничностью «страшных лет России», по слову другого выдающегося поэта той эпохи Александра Блока. Этот крутой маршрут оказался для Гумилева долгим, непростым и завершился для него неподвижной катастрофой: гибелью...

В отличие от других крупнейших российских писателей XX века, чье творчество замалчивалось или в лучшем случае не афишировалось при советской власти (Булгаков, Мандельштам, Ахматова, Набоков), Гумилев, расстрелянный в 1921 году по подлому и конъюнктурному обвинению в «контрреволюционном заговоре», был попросту запрещен. Негласный запрет на его имя и творчество продержался более полувека. Лишь в 1990-е годы Гумилев вновь занял подобающее ему место в литературной истории страны.

В этом томе максимально полно представлено литературное наследие Гумилева в трех измерениях: в наиболее известной широкому читателю *поэтической* ипостаси и менее известной *драматургической* и *прозаической*. Впрочем, нельзя не отметить и еще один важный его маршрут: переводческий. Стихотворные переводы составляют органичную часть поэтического мира Гумилева.

Драматургия Гумилева была скорее творческой лабораторией — он написал лишь шесть пьес, из которых полноценным сценическим произведением является «Отравленная туника» (в настоящее время идет на сцене «Мастерской Петра Фоменко»).

Куда более важное место в творчестве выдающегося русского поэта начала XX века занимает проза. В письме от 1 февраля 1907 года двадцатилетний Гумилев писал Валерию Брюсову: «Идей и сюжетов у меня много. С горячей любовью я обдумываю какой-нибудь из них, все идет стройно и красиво, но когда я подхожу к столу, чтобы записать все те чудные вещи, которые только что были в моей голове, на бумаге получаются только бессвязные отрывочные фразы, поражающие своей какофонией. И я опять спешу в библиотеки, стараясь выведать у мастеров стиля, как можно победить роковую инертность пера». И еще Гумилев писал мэтру о своем увлечении французскими

хрониками и рыцарскими романами: он даже намеревался написать *«модернизированную повесть в стиле XIII или XIV века»*.

Этим замыслом, правда, не суждено было осуществиться, и от них остались лишь интригующие осколки — фантазии восторженного почитателя европейской классики. Интересно, что многие сюжеты ранней лирики Гумилева варьировались им в новеллах или, точнее, литературных сказках, написанных по мотивам прочитанных в детстве и юности книг. Был момент, когда он решил издать ранние новеллы отдельной книгой: в августе 1908 года газета «Русь» анонсировала выход первого тома «Рассказов» Гумилева, печатавшихся в периодике на протяжении всего этого года, однако издание так и не осуществилось. Возможно, из-за того, что сам Гумилев относился — и в начале своего творческого пути и впоследствии — к собственным опытам в художественной прозе не слишком серьезно: всего лишь как к старанию «победить роковую инертность пера», чтобы воспользоваться плодами этой победы в поэзии — искусстве «высокого косноязычия».

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Стихотворения, опубликованные в прижизненных сборниках

ПУТЬ КОНКВИСТАДОРОВ (1905)

«Я конквистадор в панцире железном...»	7
<i>Мечи и поцелуи</i>	
«С тобой я буду до зари...»	7
Песнь Заратустры	8
Credo	9
Греза ночная и темная	10
Песня о певце и короле	10
Рассказ девушки	12
П о э м ы	
Дева Солнца	13
Осенняя песня	17
Сказка о королях	22
В ы с о т ы и б е з д н ы	
«Когда из темной бездны жизни...»	27
Любям настоящего	28
Любям будущего	28
Пророки	29
Русалка	30
На мотивы Грига	30
Осень	31
«Иногда я бываю печален...»	32
«По стенам опустевшего дома...»	32

РОМАНТИЧЕСКИЕ ЦВЕТЫ (1908)

Сонет («Как конквистадор в панцире железном...»)	34
Баллада («Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...»)	34
Оссиан	35

За гробом	35
Крыса	36
Рассвет	36
Смерть («Нежной, бледной, в пепельной одежде...»)	37
В небесах	38
Думы	38
Крест	39
Маскарад	39
После победы	40
Выбор	41
Умный Дьявол	41
Отказ	41
Воспоминание	42
Мечты	42
Перчатка	43
Мне снилось	43
Сада-Якко	44
Самоубийство	44
Принцесса	45
Пещера сна	46
Влюбленная в дьявола	46
Любовники	47
Заклинание	48
Гиена	48
Корабль	49
Ягуар	50
Ужас	51
Невеста льва	51
Сады души	52
Зараза	53
Орел Синдбада	53
Жираф	54
Носорог	54
Озеро Чад	55
Помпей у пиратов	56
Основатели	57
Манлий	57
Игры	58
Императору	59

Каракалла	59
«Мореплаватель Павзаний...»	61
Неоромантическая сказка	61

ЖЕМЧУГА

(1910)

Волшебная скрипка	64
Потомки Каина	64
Камень	65
Одержимый	66
Поединок	67
Портрет мужчины. <i>Картина в Лувре работы неизвестного</i>	68
Лесной пожар	69
Царица	70
Товарищ	71
В библиотеке	71
В пути	72
Семирамида	73
Старый конквистадор	74
Варвары	74
Воин Агамемнона	75
Андрогин	76
Орел	76
Покорность	77
Рыцарь с цепью	77
Христос	78
Маркиз де Карабас	78
Путешествие в Китай	80
Завещание	80
Озера	81
Свидание	82
«Ты помнишь дворец великанов...»	83
Старина	84
«Он поклялся в строгом храме...»	84
Ворота рая	85
Заводи	85
Кенгуру. <i>Утро девушки</i>	86
Маэстро	86
Дон Жуан	87

Попугай	87
Читатель книг	88
«У меня не живут цветы...»	88
Это было не раз	89
Молитва	89
«Рощи пальм и заросли алоэ...»	89
Вечер	89
Беатриче	90
I. «Музы, рыдать перестаньте...»	90
II. «В моих садах — цветы, в твоих — печаль...»	91
III. «Пошади, не довольно ли жалящей боли...»	91
IV. «Я не буду тебя проклинать...»	91
Возвращение Одиссея	92
I. У берега	92
II. Избиение женихов	92
III. Одиссей у Лаэрта	94
Капитаны	95
I. «На полярных морях и на южных...»	95
II. «Вы все, паладины Зеленого Храма...»	96
III. «Только глянет сквозь утесы...»	97
IV. «Но в мире есть иные области...»	98
Сон Адама	99

ЧУЖОЕ НЕБО

(1912)

I

Ангел-хранитель	102
Две розы	102
Девушке	103
На море	103
Сомнение	104
Сон («Вы сегодня так красивы...») Утренняя болтовня	104
Отрывок («Христос сказал: убогие блаженны...»)	105
Тот другой	105
Вечное	106
Константинополь	106
Современность	107
Сонет («Я, верно, болен: на сердце туман...»)	107
Однажды вечером	108

Она	108
Жизнь	109
Из логова змиева	109

II

Я верил, я думал...	110
Ослепительное	110
Родос	111
Паломник	112
Жестокой	114
Любовь (<i>«Надменный, как юноша, лирик...»</i>)	115
Баллада (<i>«Влюбленные, чья грусть как облака...»</i>)	115
Посылка	116
Укротитель зверей	116
Отравленный	117
У камина	118
Маргарита	118
Оборванец	119
Туркестанские генералы	120
А б и с с и н с к и е п е с н и	
1. Военная	121
2. Пять быков	121
3. Невольничья	122
4. Занзибарские девушки	122

КОЛЧАН
(1915)

Памяти Анненского	124
Война	125
Венеция	125
Старые усадьбы	126
Фра Беато Анджелико	127
Разговор	129
Рим	130
Пятистопные ямбы	131
Пиза	133
Юдифь	134
На острове	134
Возвращение	135
Леонард	136

Птица	136
Канцоны	
1. «Словно ветер страны счастливой...»	137
2. «Об Адонисе с лунной красотой...»	138
Персей. <i>Скульптура Кановы</i>	138
Солнце духа	139
Средневсковье	139
Падуанский собор	140
Отъезжающему	141
Снова море	141
Африканская ночь	142
Наступление	143
Смерть (« <i>Есть так много жизней достойных...</i> »)	143
Видение	144
«Я вежлив с жизнью современной...»	145
«Какая странная нега...»	145
«Я не прожил, я протомился...»	146
Счастье	146
Восьмистишие	148
Дождь	148
Вечер	148
Генуя	149
Китайская девушка	149
Рай	150
Ислам	151
Болонья	151
Сказка	152
Неаполь	153
Старая дева	154
Почтовый чиновник	155
Больной	156
Ода д'Аннунцио. <i>К его выступлению в Генуе</i>	156

КОСТЕР
(1918)

Деревья	158
Андрей Рублев	158
Осень	159
Детство	160

Городок	160
Ледоход	161
Природа	162
Я и вы	162
Змей	163
Мужик	164
Рабочий	165
Швеция	166
Норвежские горы	166
На Северном море	167
Стокгольм	168
Творчество	168
Утешение	169
Прапамять	169
Канцона первая (<i>«В скольких земных океанах я плыл...»</i>)	170
Канцона вторая (<i>«Храм Твой, Господи, небесах...»</i>)	170
Канцона третья (<i>«Как тихо стало в природе...»</i>)	171
Самофракийская Победа	171
Роза	172
Телефон	172
Юг	172
Рассыпающая звезды	173
О тебе	173
Сон (<i>«Застонал я от сна дурного...»</i>)	174
Эзбекские	174

ФАРФОРОВЫЙ ПАВИЛЬОН
(1918)

К и т а й

Фарфоровый павильон	176
Луна на море	176
<i>«Сердце радостно, сердце крылато...»</i>	177
Природа	177
Дорога	177
Т р и ж е н ы м а н д а р и н а	
Законная жена	178
Наложница	178
Служанка	178
Мандарин	178

Счастье	178
Соединение	179
Странник	179
Поэт	180
Дом	180
И н д о к и т а й	
Аннам	181
Девушки	181
Детская песенка	181
Лаос	181
Кха	182

ШАТЕР
(1921)

Вступленье	183
Красное море	183
Египет	185
Сахара	188
Суэцкий канал	190
Судан	191
Абиссиния	194
Галла	196
Сомалийский полуостров	198
Либерия	199
Мадагаскар	201
Замбези	202
Дамара. <i>Готтентотская космогония</i>	203
Экваториальный лес	204
Дагомея	206
Нигер	207

ОГНЕННЫЙ СТОЛП
(1921)

Память	209
Лес	210
Слово	211
Душа и тело	212
Канцона первая (« <i>Закричал громогласно...</i> »)	214
Канцона вторая (« <i>И совсем не в мире вы, а где-то...</i> »)	214
Подражанье персидскому	215
Персидская миниатюра	215

Шестое чувство	216
Слоненок	217
Заблудившийся трамвай	218
Ольга	219
У цыган	220
Пьяный дервиш	221
Леопард	222
Молитва мастеров	223
Перстень	224
Дева-птица	225
Мои читатели	226
Звездный ужас	227

Стихотворения, не вошедшие в прижизненные сборники

РОМАНТИЧЕСКИЕ ЦВЕТЫ

Ахилл и Одиссей	233
«Нас было пять... мы были капитаны...»	233
«Одинокое-незрячее солнце смотрело на страны...»	234
<i>Жемчуга</i>	
Одиночество	234
В пустыне	235
Адам	236
Театр	236
Правый путь	237
Колдунья	238
Охота	238
Уходящей	239
Северный раджа	240
Франция (<i>«О Франция, ты призрак сна...»</i>)	242
«Все ясно для тихого взора...»	244
«Да! Мир хорош, как старец у порога...»	244
«Какою музыкой мой слух взволнован?...»	244
«Вечерний медленный паук...»	245
«Нет тебя тревожней и капризней...»	245
Надпись на книге	246
Вилла Боргезе	246
Тразименское озеро	247
На Палатине	247
Флоренция	248
«Когда вступила в спальню Дездемона...»	249
Надпись на переводе «Эмалей и Камей»	249

Новорожденному	249
«Когда, изнемогши от муки...»	250
Мадригал полковой даме	250
Любовь	
1. «Она не однажды всплывала...»	251
2. «Я помню, я помню, носились тучи...»	251
«Священные плывут и тают ночи...»	251
Сестре милосердия	252
Ответ сестры милосердия	253
Второй год	254
Конквистадор	255
Надпись на «Колчане»	256
Всадник	256
В Бретани	257
Предзнаменование	257
Сирень	258
Любовь («Много есть людей, что, полюбив...»)	258
«Мы в аллеях светлых пролетали...»	259
Позор	259
«Мой альбом, где страсть сквозит без меры...»	260
Портрет	261
Ночь	261
«Об озерах, о павлинах белых...»	262
«Однообразные мелькают...»	262
Богатое сердце	263
Синяя звезда	263
«В этот мой благословенный вечер...»	264
«Еще не раз Вы вспомните меня...»	265
«Так долго сердце боролось...»	265
Предложение	266
Прощанье	267
«Нежно-небывалая отрада...»	267
Прощенье	267
Уста солнца	268
Девочка	269
Новая встреча	270
Хокку	271
Пропавший день	271
Предупрежденье. <i>С японского</i>	271

Гончарова и Ларионов. <i>Пантум</i>	272
Два Адама	273
«Я, что мог быть лучшей из поэм...»	273
Ангел боли	274
Песенка	275
Купанье	275
Рыцарь счастья	276
«Среди бесчисленных светил...»	276
Приглашение в путешествие	277
Мой час	278
Евангелическая церковь	279
Сентиментальное путешествие	280
Индюк	283
«Нет, ничего не изменилось...»	283
«Поэт ленив, хоть лебединый...»	284
«Ветла чернела. На вершине...»	284
«С тобой мы связаны одною цепью...»	285
«Барабаны, гремите, а трубы ревите...»	285
Отрывки 1920—1921 гг.	
1. «Я часто думаю о старости своей...»	285
2. «А я уже стою в саду иной земли...»	286
3. «Колокольные звоны...»	286
4. «Я рад, что он уходит, чад угарный...»	286
5. «Трагикомедией — назовьём «человек»...»	286
«После стольких лет...»	287
«На далекой звезде Венере...»	287
«Я сам над собой насмеялся...»	288
Канцона (<i>«Лучшая музыка в мире — нема!..»</i>)	288
«Дни и ночи перемены...»	289
«Скоро полночь, свеча догорела...»	290
«Перед ночью северной, короткой...»	290
«Ты говорил слова пустые...»	291

Стихотворения неизвестных лет

«Аддис-Абеба, город роз...»	292
Акростих (<i>«Ангел лег у края небосклона...»</i>)	292
К***	293
«Когда я был влюблен...»	293
Загробное мщенье. <i>Баллада</i>	294

«Пролетела стрела...»	296
«Я не знаю этой жизни — ах, она сложней...»	297
Естество	297

Стихотворения разных лет. Наброски. Экспромты

СТИХИ В АЛЬБОМ М. М. МАРКС (1903)

«Я в лес бежал из городов...»	298
«Я вечернею порою над заснувшею рекою...»	298
Посвящение к сборнику «Горы и ущелья»	299
«У скалистого ущелья...»	299
Молодой францисканец	300
«Вам, кавказские ущелья...»	302
«На сердце песни, на сердце слезы...»	303
«В шумном вихре юности цветущей...»	303
«Злобный гений, царь сомнений...»	303
«Много в жизни моей я трудов испытал...»	304
«Я всю жизнь отдаю для великой борьбы...»	304
«Во мраке безрадостном ночи...»	305
«Я песни слагаю во славу твою...»	305
Воспоминанье	306
Колокол	306
«На льдах тоскующего полюса...»	307
«Мое прекрасное убежище...»	308
Франция (<i>«Франция, на лик твой просветленный...»</i>)	308
Отрывок из пьесы	309
Искатели жемчуга	310
Наталье Владимировне Анненской	310
Надпись на «Пути конквистадоров»	311
Лето	311
Огонь	312
«Он воздвигнул свой храм на горе...»	312
«Сегодня у берега нашего бросил...»	313
«Мне надо мучиться и мучить...»	314
«Солнце бросило для нас...»	314
«На горах розовеют снега...»	315
«Зачарованный викинг, я шел по земле...»	315
«Слушай веления мудрых...»	316
«Царь, упившийся кипрским вином...»	316

«За часом час бежит и падает во тьму...»	317
«За стенами старого аббатства...»	318
«На камине свеча догорала, мигая...»	318
«Неслышный, мелкий падал дождь...»	319
«Как труп, бессилён небосклон...»	320
Renvoi («Еще ослепительны зори...»)	321
«Моя душа осаждена...»	321
Большая земля	322
После смерти	323
Поэту	323
На пиру	324
Анна Комнена	324
Судный день	325
«Нежданно пал на наши рощи иной...»	326
«Вы пленены игрой цветов и линий...»	326
Акrostих Кате Кардовской	327
Встреча	327
Акrostих («О, самой нежной из кузин...»)	328
Мыльные пузыри	328
Неизвестность	328
Акrostих («Можно увидеть на этой картинке...»)	329
В четыре руки	329
Прогулка	329
На кровати, превращенной в тахту	330
Лиловый цветок	330
Куранты любви	331
Медиумические явления	331
В вашей спальне	331
О признаниях	332
Страница из олинго дневника	332
Борьба	333
Райский сад	333
Ключ в лесу	334
Опять прогулка	334
Ева или Лилит	335
Слова на музыку Давыдова	336
Остров Любви	336
11 июля 1911 г.	337
Четыре лошади	338

«Огромный мир открыт и манит...»	339
«Я до сих пор не позабыл...»	339
Освобождение	339
«Хиромант, большой бездельник...»	340
Открытие летнего сезона	340
«Этот город воды, колоннад и мостов...»	342
«Мне на ваших картинах ярких...»	342
«Ты, жаворонок в горней высоте...»	343
Надпись на книге «Колчан»	343
Командиру 5-го Александрийского полка	343
«Что я прочел? Вам скучно, Лери...»	344
«Взгляните: вот гусары смерти!...»	345
Канцона (« <i>Бывает в жизни человека...</i> »)	345
«Вы дали мне альбом открытый...»	345
В день рожденья Мика	346
Михаилу Леонидовичу Лозинскому	346
«Если плохо мужикам...»	346

ПОЭМЫ

Блудный сын	348
Открытие Америки	351
Мик. <i>Африканская поэма</i>	358
Поэма начала. <i>Книга первая. Дракон</i>	383
Два сна. <i>Китайская поэма</i>	391

ПРОЗА

Записки кавалериста. <i>Рассказ</i>	399
Африканский дневник. <i>Путевые заметки</i>	450
ТЕНЬ ОТ ПАЛЬМЫ	
Радости земной любви (<i>Три новеллы</i>)	472
Принцесса Зара. <i>Рассказ</i>	477
Золотой рыцарь. <i>Рассказ</i>	480
Последний придворный поэт. <i>Рассказ</i>	483
Черный Дик. <i>Рассказ</i>	486
Дочери Каина. <i>Рассказ</i>	492
Лесной дьявол. <i>Рассказ</i>	498
Скрипка Страдивариуса. <i>Рассказ</i>	503
Африканская охота. <i>Рассказ</i>	507
Путешествие в страну эфира. <i>Рассказ</i>	514

Гибели обреченные. <i>Рассказ</i>	521
Черный генерал. <i>Рассказ</i>	530
Веселые братья. < <i>Неоконченная повесть</i> >	533
Вверх по Нилу. (<i>Листы из дневника</i>)	558
Карты. <i>Рассказ</i>	560
Умер ли Менелик? <i>Эссе</i>	562

ДРАМАТУРГИЯ

Стихотворные драмы. Неоконченное. Наброски

Игра. <i>Драматическая сцена</i>	567
Актеон. <i>Одноактная пьеса в стихах</i>	571
Дитя Аллаха. <i>Арабская сказка в трех картинах</i>	584
Гондла. <i>Драматическая поэма в четырех действиях</i>	618
Отравленная туника. <i>Трагедия в пяти действиях</i>	661
Охота на носорога. <i>Пьеса в двух действиях из доисторической жизни</i>	720
Дерево превращений. <i>Пьеса в трех действиях для детей</i>	728
Гарун аль-Рашид. <i>По «Тысяча и одной ночи»</i>	741
Дон Жуан в Египте. <i>Одноактная пьеса в стихах</i>	747
Зеленый тюльпан. <i>Одноактная пьеса в стихах</i>	760
Красота Морни. <i>Драма из ирландской жизни в четырех действиях</i>	762
Обед в Бежецке. <i>Набросок</i>	767
Не нравится мне это, внук мой Куно! <i>Отрывок</i>	770

ПЕРЕВОДЫ

АБИССИНСКИЕ ПЕСНИ

1. «Приветствую Деву Марию...»	773
2. «Смерти не миновать: был император Аба-Данья...»	773
3. «Этой ночью мне снилась кошка...»	773
4. «Менелик сказал: «Седлающих мулов и коней...»	774
5. «Нападающий воин крепок как столб...»	774
6. «Самое высшее счастье смотреть...»	775
7. «В ружье негуса...»	775
8. «Как люди, увидя Лидж Йассу, трепещут...»	776
9. «Хой, хой, Аба-Мулат Хайле Георгис...»	776
10. «Убивающего леопардов выше убивший слона...»	776
11. «Хуме и Дагоме сообща владеют камнем мира...»	777
12. «Шавелó прекрасное место, где растет тростник...»	777

Из английских народных баллад

Робин Гуд и Гай Гисборн	778
Посещение Робин Гудом Ноттингама	784

Из Франсуа Вийона

Баллада «О дамах прошлых времен»	786
--	-----

Из Уильяма Шекспира

Сонет XVII	787
Фальстаф	788

Из Джакомо Леопарди

К весне, или О древних сказаниях	823
К Сильвии	825

Из Сэмюэля Т. Кольриджа

Поэма о старом моряке	827
---------------------------------	-----

Из Роберта Саути

Предостережение хирурга	846
-----------------------------------	-----

Из Роберта Браунинга

Пиппа проходит	850
--------------------------	-----

Из Генриха Гейне

Бимини	897
Вицли-Пуцли	916
Атта Троль	932

Из Шарля Бодлера

Привиденье	993
Мученица	994
Авель и Каин	995
Смерть любовников	996

Из Теофиля Готье

На берегу моря	997
Гиппопотам	997

Эмали и Камеи. Сборник

Предисловье	998
Тайное сродство. Пантеистический мадригал	998

Поэма женщины	1000
Этюд рук	1002
Вариации на тему венецианский карнавал	1004
Симфония ярко-белого	1008
Загробное кокетство	1010
Алмаз сердца	1011
Первая улыбка весны	1012
Контральто	1013
Saegulei oculi	1015
Рондолла	1016
Ностальгия обелисков	1018
15 декабря	1021
Тоска на море	1024
К розовому платью	1025
Свет жесток	1026
Петра Камара	1027
Анакреонтическая песенка	1029
Дым	1030
Аполлония	1030
Слепой	1031
Песня	1031
Зимние фантазии	1032
Ключ	1034
Костры и могилы	1034
Ужин доспехов	1037
Часы	1041
Нереиды	1042
Подвески для сердец	1043
Чайная роза	1044
Кармен	1044
Что говорят ласточки. <i>Осенняя песня</i>	1045
Рождество	1047
Игрушки мертвой	1047
После фельетона	1048
Дворец воспоминаний	1049
Камелия и Маргаритка	1055
Акварель принцессы М.	1056
Мансарда	1056
Тучка	1057

Дрозд	1058
Цветок, что делает весну	1059
Последняя мольба	1060
Печальная голубка	1061
Хороший вечер	1062
Искусство	1063

Из Луи Буйе

Как ненавижу я плаксивого поэта...	1065
--	------

Из Жозе-Мариа де Эредиа

Бегство кентавров	1065
Немея	1066
Конкистадоры	1066

Из Клода Жозеф Руже де Лиля

Марсельеза	1067
----------------------	------

Из Артюра Рембо

Гласные	1068
-------------------	------

Из Альберта Самена

Полифем	1069
-------------------	------

Из Оскара Уайльда

Мильтону	1107
Theoretikos	1108
Могила Шелли	1108
Федра	1109
Сфинкс	1109

<i>Олег Алякринский. Фламинго в лазури.</i>	1119
---	------